

ASSOCIATES PROGRAM

In grateful recognition
of

Charles S. Whitman III
Class of 1964

for generous support of the
Harvard College Fund

1992-1993

The Harvard College Library

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCIV.

1896.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.
1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

Критика и библіографія.

Современная лѣтопись.

Отдѣлъ классической филологіи.

Объявленія.

Редакторъ **В. Васильевскій.**

(Вышла 1-го апрѣля).

О СОФОКЛѢ-ВРАЧѢ.

Какъ извѣстно изъ сохранившейся біографіи, Софоклъ былъ жрецомъ героя Алкона [1]), который „вмѣстѣ съ Асклепіемъ былъ воспитанъ у Хирона". У Хирона воспитывалось не мало греческихъ богатырей; если про Алкона говорится, что онъ учился у него *вмѣстѣ съ Асклепіемъ*, то мы отсюда заключаемъ, что онъ учился у него тому же, чему учился и Асклепій, то-есть врачебному искусству. Дѣйствительно, это заключеніе было сдѣлано всѣми учеными, высказавшимися объ Алконѣ, исключая Гиллера-фонъ-Гертрингенъ, который считаетъ „недоказаннымъ, хотя и очень возможнымъ, что Алконъ былъ въ Аѳинахъ героемъ врачебнаго искусства" [2]).

Объ Алконѣ извѣстны были въ древности и другіе миѳы. Его называли спутникомъ Геракла [3]) и разказывали чудеса объ его искусствѣ въ стрѣльбѣ изъ лука. Такъ, онъ однажды засталъ своего малолѣтняго сына въ большой опасности: змѣя обвилась вокругъ его тѣла; Алконъ мѣткимъ выстрѣломъ убилъ змѣю, оставивъ невредимымъ ребенка [4]). Пользуясь этими и нѣкоторыми другими чертами, Паукеръ [5]) доказалъ, что Алконъ не что иное, какъ ὑπόστασις Геракла. Дѣйствительно, этимологически имя Ἄλκων тожественно съ Ἀλκαῖος, Ἀλκείδης, Ἀλκάθοος, и все это—побочныя (б. м., первоначальныя) [6]) имена Ге-

---

[1]) Vita p. 128, 42 сл. West. ἔσχε δὲ καὶ τὴν τοῦ Ἄλκωνος (Мейнеке; Ἄλωνος рук.) ἱερωσύνην, ὃς ἐστιν ἥρως μετ' Ἀσκληπιοῦ παρὰ Χείρωνι ⟨παιδευθείς. δηλοῖ δὲ πίναξ⟩ ἱδρυνθεὶς ὑπ' Ἰοφῶντος (по возстановленію Зуземиля Rhein. Mus. 49. 476).

[2]) Pauly-Wissowa Real-Enc. s. v. Alkon.

[3]) Serv. ecl. 5, 11.

[4]) Manil. V 304 oq.

[5]) De Sophocle medici herois sacerdote, Дерптъ, 1850.

[6]) Виламовицъ, Herakles, I 49.

ракла: подобно Алкону, и Гераклъ былъ питомцемъ Хирона [1]); подобно Алкону, и Гераклъ былъ искуснымъ стрѣлкомъ, обладая ἀφύκτοις βέλεσιν; наконецъ, извѣстіе, что Алконъ былъ спутникомъ Геракла, доказываетъ, что нѣкоторое родство обоихъ героевъ сознавалось долгое время послѣ того, какъ Алконъ выдѣлился въ особую миѳическую личность.

Но почему же онъ выдѣлился? Паукеръ, своей нѣсколько фантастической теоріей о цѣлебной силѣ „пэоническихъ" божествъ, этого обстоятельства выяснить не могъ; я думаю, причина заключается вотъ въ чемъ. Въ древнѣйшее время Гераклъ былъ „героемъ" въ сакральномъ значеніи этого слова, то-есть ему приносились не θυσίαι, а ἐναγίσματα; лишь позднѣе, подъ вліяніемъ причинъ, о которыхъ распространяться здѣсь не мѣсто, его апоѳеозъ сталъ догматомъ греческой вѣры. Пока Гераклъ былъ героемъ, Алконъ съ нимъ совпадалъ, то-есть, другими словами, онъ былъ Геракломъ, героемъ-врачемъ. Но когда онъ сталъ богомъ, его цѣлебная сила выдѣлилась въ особое миѳическое существо, сдѣлавшееся предметомъ почитанія подъ именемъ Алкона; произошло это потому, что цѣлебная сила, будучи хтоническаго происхожденія, казалась несовмѣстимой съ олимпійскимъ божествомъ. Въ подтвержденіе моей теоріи могу привести слѣдующее соображеніе. Родственнымъ Алкону миѳическимъ персонажемъ былъ герой, называющійся обыкновенно просто „героемъ-цѣлебникомъ" (ἥρως ἰατρός); о немъ ходило преданіе, будто онъ назывался собственно Аристомахомъ и былъ погребенъ въ Мараѳонѣ [2]). Врядъ ли можно считать случайнымъ совпаденіе, что ἀριστόμαχος — эпитетъ Геракла [3]) и произведенное отъ эпитета имя его правнука, отца трехъ пелопоннесскихъ Гераклидовъ, и что Мараѳонъ — аттическій центръ культа Геракла.

Но вернемся къ Софоклу, отношенія котораго къ цѣлебнымъ божествамъ далеко не ограничиваются жречествомъ Алкона. По свидѣтельству м. пр. Плутарха [4]), онъ удостоился чести принять въ своемъ домѣ самого Асклепія, въ славу котораго онъ сочинилъ пэанъ. Нѣтъ надобности воспроизводить здѣсь комбинаціи, на которыя навело

[1]) Klügmann, Arch. Ztg. 34, 199 (мюнхенская чернофигурная ваза). Паукеръ этимъ свидѣтельствомъ воспользоваться еще не могъ.

[2]) Bekk. Anecd. I 262, 16.

[3]) Pind. Pyth. X 4.

[4]) Num. 4. Ср. Наукъ Allg. Einl. 10.

ученыхъ это свидѣтельство въ связи со временемъ введенія культа Асклепія въ Аѳины [1]) и съ фактомъ посвященія Софокломъ Гераклу— опять Гераклу! — часовни въ Ἀσκληπιεῖον на южномъ склонѣ Акрополя [2]); самый скромный выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ, это тотъ, что Софоклъ былъ жрецомъ также и Асклепія—а если такъ, то сопоставленіе Алкона съ Асклепіемъ въ свидѣтельствѣ, приведенномъ біографомъ, получаетъ особое значеніе. Но и это еще не все.

Самъ Софоклъ послѣ смерти былъ признанъ героемъ и получилъ часовню подъ именемъ Δεξίων—ἀπὸ τῆς τοῦ Ἀσκληπιοῦ δεξιώσεως, какъ поясняетъ Etymologicum magnum. Разумѣется, эта этимологія основана на догадкѣ неизвѣстнаго намъ автора: быть можетъ, эта догадка справедлива, но возможно также, что Δεξίων происходитъ отъ δεξιά, какъ Χείρων отъ χείρ, и что нарекая Софокла этимъ именемъ, учредитель его культа хотѣлъ увѣковѣчить память объ его дѣятельности какъ χειροτέχνης, χειρουργός—хирурга. Кто же этотъ учредитель? Deneken [3]) полагаетъ, что учредительницей культа героизованнаго Софокла была основанная имъ коллегія, θίασος Μουσῶν; и дѣйствительно, по приведеннымъ имъ аналогіямъ, такая гипотеза могла быть признана правдоподобной. Теперь же придется отъ нея отказаться.

Дѣло въ томъ, что въ 1892—1894 гг. германскія раскопки на западномъ склонѣ акрополя обнаружили святыню, которой по главному изъ почитавшихся въ ней героевъ было присвоено имя Ἀμύνειον. По этому поводу французская школа въ Аѳинахъ опубликовала надпись, которая уже раньше находилась въ ея владѣніи [4]); надпись принадлежитъ къ типу обычныхъ—такая-то коллегія награждаетъ такого-то за его заслуги вѣнкомъ. Интересно только само имя коллегіи: они называютъ себя оргеонами Ἀμύνου καὶ Ἀσκληπιοῦ καὶ Δεξίωνος. Кто такой Ἄμυνος? Его имя—если не считать поздняго и мало достовѣрнаго свидѣтельства, которымъ воспользовался издатель надписи— не встрѣчается; тѣмъ не менѣе я не думаю, чтобы относительно его значенія могъ возникнуть споръ. Мы видѣли, что Софоклъ былъ жрецомъ Алкона, жрецомъ Асклепія и героемъ Дексіономъ; въ надписи

---

[1]) Sybel въ Athen. Mitth. X; Wilamowitz, Isyllos 188 сл., Deneken 99 у Ромера Lex. Myth. I 2537 сл.

[2]) Köhler въ Athen. Mitth. II 251.

[3]) Рошеръ ibid. 2542.

[4]) Bullet. de corresp. hell. 1894.

нашихъ оргеоновъ встрѣчаются рядомъ всѣ три имени, только вмѣсто Ἄλχων названъ Ἄμυνος—а этимологически Ἄλχων относится къ Ἄμυνος, какъ ἀλέξομαι къ ἀμύνομαι, т. е. они идентичны [1]). Почему Алконъ названъ здѣсь Аминомъ, этого намъ пока не рѣшить; этотъ странный сакральный металепсисъ долженъ быть отмѣченъ наукой, но самый фактъ, какъ мнѣ кажется, не подверженъ сомнѣнію.

Эта надпись окончательно удостовѣряетъ медицинскій характеръ героя Дексіона, то-есть Софокла: не за свой поэтическій талантъ, но и не за свое благочестіе вообще былъ возведенъ въ герои нашъ поэтъ, а за тѣ заслуги, которыя приписывались и его коллегамъ по культу, Алкону—Амину и Асклепію. Впрочемъ, мы въ этой надписи не нуждаемся: достаточно знать, что Софоклъ былъ при жизни жрецомъ героевъ-цѣлебниковъ Алкона и Асклепія. Какъ доказываютъ многочисленныя свидѣтельства — главнымъ образомъ эпидаврійскія надписи и описаніе инкубаціи въ храмѣ Асклепія, которое мы читаемъ въ „Богатствѣ“ Аристофана—такое жречество обязывало своихъ носителей къ исправленію не только сакральныхъ, но и врачебныхъ функцій.

Все вышесказанное наводитъ насъ на естественное заключеніе, что *Софоклъ былъ по своей профессіи врачемъ.*

Установленіе этого факта не имѣло бы особеннаго интереса для насъ, если бы занятія Софокла въ области медицины остались безъ всякаго вліянія на его поэтическое творчество. Но въ томъ-то и дѣло, что это вліяніе несомнѣнно; мало того, это вліяніе столь сильно, что его одного было бы достаточно для вполнѣ удовлетворительнаго обоснованія интересующаго насъ факта. Тѣмъ болѣе странно то, что оно до сихъ поръ осталось совершенно незамѣченнымъ. Daremberg, интересовавшійся древнею медициной и изучившій спеціально догиппократовскія свидѣтельства о ней, съ цѣлью доказать, что ею въ V вѣкѣ интересовались всѣ образованные люди, изъ Софокла приводитъ только одинъ отрывокъ 530 №² изъ „Тезея“ [2]), откровенно заявляя, что онъ больше ничего не нашелъ. Прочіе историки медицины по весьма есте-

[1]) О сближеніи Алкона и Амина думалъ и Körte (см. его докладъ въ берлинскомъ археологическомъ обществѣ, краткое извлеченіе изъ котораго даетъ Berl. Philol. Wochenschr. 1896, № 6), но онъ полагалъ, что Алконъ названъ въ біографіи ошибочно вмѣсто Амина, что гораздо менѣе вѣроятно. Онъ же упоминаетъ о второй надписи оргеоновъ трехъ героевъ.

[2]) Revue archéol. n. s. XIX (1869): État de la médecine entre Homère et Hippocrate, стр. 67.

ственнымъ причинамъ оставили трагедію въ сторонѣ: ихъ интересовали только непосредственныя свидѣтельства. Филологамъ служило помѣхой ихъ незнаніе медицины и естественныхъ наукъ вообще, которыми они стали заниматься лишь въ послѣднее время. Школа Виламовица при своемъ универсалистическомъ характерѣ не могла упустить изъ виду это столь важное пособіе; къ сожалѣнію, именно въ этой школѣ рядомъ съ пристрастьемъ къ Еврипиду распространено странное, прямо таки нервное нерасположеніе къ Софоклу. И вотъ начинается кручeніе сочиненій Гиппократа и гиппократовцевъ въ видахъ медицинскаго объясненія Еврипида: самъ Виламовицъ въ своемъ прекрасномъ комментаріѣ къ Гипполиту привлекаетъ сочиненіе περὶ ἱερῆς νούσου для объясненія догадокъ хора о причинахъ возбужденнаго состоянія Федры—понапрасну, такъ какъ влагаемыя поэтомъ хору въ уста соображенія не возвышаются надъ уровнемъ общегреческаго суевѣрія. Harries [1]) въ своей диссертаціи занимается вопросомъ о томъ, какъ изображалось безуміе въ греческой трагедіи, при чемъ типы безумія онъ видитъ въ Іо и Кассандрѣ Эсхила, Эантѣ Софокла, Гераклѣ и Орестѣ Еврипида, не примѣчая самаго интереснаго и важнаго примѣра, Пенѳея съ Агавой въ „Вакханкахъ" того же Еврипида. Такъ какъ онъ не различаетъ психическихъ симптомовъ, въ изображеніи которыхъ Еврипидъ былъ дѣйствитетьно мастеромъ, отъ физическихъ, то и все изслѣдованіе не могло дать удовлетворительный результатъ. Одновременно съ нимъ и Дейтерихъ занялся медицинской подкладкой безумія Геракла у Еврипида [2]); вопреки словамъ Еврипида, онъ болѣзнь его героя называетъ эпилепсіей и видитъ (подобно Гаррису) поразительный реализмъ поэта въ томъ, что послѣ припадка этой болѣзни Гераклъ засыпаетъ—между тѣмъ какъ самъ Еврипидъ изображаетъ этотъ сонъ не какъ естественное послѣдствіе болѣзни, а какъ нѣчто чудесное, наступившее по волѣ Аѳины. Вообще особыхъ познаній по медицинѣ у Еврипида не найти; какъ человѣкъ образованный, онъ интересуется философской стороной этой науки, и у него встрѣчаются хорошіе афоризмы о врачахъ и о болѣзняхъ, но отсюда до спеціальныхъ познаній еще далеко.

Другое дѣло—Софоклъ. Уже въ „Царѣ Эдипѣ" и въ „Антигонѣ" мы находимъ доказательства: укажу на описаніе чумы, которое слѣдуетъ сравнить съ подлиннымъ описаніемъ аѳинской чумы у Ѳуки-

[1]) Tragici Graeci qua arte usi sint in describenda insania. Киль, 1891.
[2]) Rhein. Mus. 46, стр. 25 сл.

пида для того, чтобы убѣдиться въ его реализмѣ и навсегда отдѣлаться отъ мнѣнія, будто Софоклъ могъ дать это описаніе независимо отъ событій 430 года; затѣмъ, на ослѣпленіе Эдипа, которое тоже слѣдуетъ сравнить, но уже въ другомъ смыслѣ, съ ослѣпленіемъ Полиместора въ „Гекубѣ“ Еврипида, затѣмъ на жертвоприношеніе Тиресія въ „Антигонѣ“, производящее такое тяжелое впечатлѣніе несмотря на то, что поэтъ въ немъ—какъ и вообще—чуждается всего чудеснаго. Но медицинскія трагедіи Софокла κατ' ἐξοχήν, это—„Трахинянки“ и „Филоктетъ“. Патологическіе симптомы „Филоктета“ всѣмъ бросаются въ глаза; нѣсколько сложнѣе, но гораздо благодарнѣе медицинская сторона „Трахинянокъ“—ею я и думаю заняться теперь.

Напомню вкратцѣ содержаніе этой трагедіи. Убѣдившись, что Гераклъ полюбилъ другую, его жена Деянира посылаетъ ему плащъ, намащенный особымъ составомъ, который она принимаетъ за любовное средство, между тѣмъ какъ на дѣлѣ это былъ страшный ядъ. Не подозрѣвая ничего дурнаго, Гераклъ надѣваетъ присланный ему плащъ, отъ котораго и гибнетъ въ невыносимыхъ мученіяхъ. Этотъ мотивъ сразу напоминаетъ намъ другую трагедію — „Медею“ Еврипида; и здѣсь героиня посылаетъ—хотя и не мужу, а соперницѣ—отравленный плащъ, отъ котораго та гибнетъ. Такимъ образомъ мы получаемъ возможность сравнить Софокла съ Еврипидомъ; разумѣется, каковъ бы ни оказался результатъ этого сравненія, достоинство поэта, какъ поэта, имъ затронуто не будетъ—знанія медицины никто отъ поэта не требуетъ. Мы получимъ только возможность рѣшить интересующій насъ вопросъ.

Такъ какъ главнымъ факторомъ дѣйствія въ той и другой трагедіи является ядъ, то мы обращаемся къ поэтамъ съ четырьмя вопросами: о происхожденіи, о приготовленіи, о свойствахъ и о дѣйствіи этого яда.

Начнемъ съ перваго вопроса — о *происхожденіи* яда. Еврипидъ на него никакого отвѣта не даетъ: спѣшу прибавить, что онъ со своей точки зрѣнія вполнѣ правъ. Медея у него изображена волшебницей; вполнѣ естественно, что всякое цѣлебное и гибельное зелье ей извѣстно, какъ естественно и то, что она насъ въ свои тайны не посвящаетъ. Но кроткая голубка Деянира никакого отношенія къ чернокнижію не имѣетъ; поэтъ обязанъ объяснить намъ, откуда у нея взялся этотъ ядъ, который она принимаетъ за любовное средство. И поэту не трудно было дать это объясненіе, такъ какъ его давало уже преданіе. Когда Гераклъ со своею молодою женой

возвращался къ себѣ на родину, ему пришлось переправляться черезъ глубокую рѣку. Кентавръ Нессъ предложилъ ему свои услуги; посадивъ Деяниру къ себѣ на (лошадиную) спину, онъ понесъ ее черезъ рѣку. На серединѣ русла, чувствуя себя безопаснымъ, онъ вздумалъ нескромной рукой коснуться своей прекрасной ноши. Деянира вскрикнула; тогда Гераклъ, не обращая вниманія на опасность, которой онъ подвергалъ жену, пустилъ въ Кентавра отравленной стрѣлой. Умирая, кентавръ сказалъ Деянирѣ: „возьми съ собой немного крови изъ моей раны; она послужитъ тебѣ любовнымъ средствомъ въ случаѣ, если Гераклъ разлюбитъ тебя. Не подозрѣвая обмана со стороны мстительнаго кентавра, Деянира послушалась его; такимъ-то образомъ въ ея рукахъ очутился ядъ.

Этого объясненія мы можемъ требовать; но поэтъ даетъ намъ гораздо больше и обставляетъ заимствованный изъ миѳа разказъ такими медицинскими деталями, что его расположеніе именно къ этой области становится очевиднымъ.

Кентавръ говоритъ Деянирѣ: „если ты возьмешь съ собою кровь изъ моей раны, запекшуюся вокругъ стрѣлы, и притомъ вокругъ того ея мѣста, гдѣ ее окрасила въ цвѣтъ черной желчи лервейская гидра, то это будетъ для тебя средствомъ [1])" и т. д.. По правильному замѣчанію Джебба, кентавръ велитъ Деянирѣ взять съ собой не стрѣлу съ запекшеюся кровью, а именно кровь; почему это? Потому, что эта кровь, зараженная ядомъ гидры, стала теперь гораздо ядовитѣе, чѣмъ онъ, этотъ ядъ. Постараюсь сначала удостовѣрить, что таково было дѣйствительно мнѣніе Софокла, а затѣмъ обосновать его.

Убѣдившись въ своей ошибкѣ, Деянира говоритъ: „Уже та стрѣла, которая поразила Несса, замучила бога Хирона [2]); она убиваетъ всѣхъ,

---

[1]) ἐὰν γὰρ ἀμφίθρεπτον αἷμα τῶν ἐμῶν σφαγῶν ἐνέγκῃ χερσίν, ᾗ μελαγχόλους ἔβαψεν ἰοὺς θρέμμα Λερναίας ὕδρας, ἔσται и т. д. (ст. 572). Съ чтеніемъ χερσίν я не согласенъ (φάρεσιν?), такъ же какъ и съ объясненіемъ слова θρέμμα (по моему= θρόμβος, „кровь"); но это главнаго вопроса не затрогиваетъ.

[2]) Интересно, что и эта справка или заимствована Софокломъ изъ медицинской литературы, или попала въ нее черезъ него; фактъ тотъ, что въ медицинѣ особый видъ болячекъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Χειρώνειον ἕλκος. Велькеръ, который впервые указалъ на этотъ фактъ (Kleine Schriften III 8[21]), ссылается на отрывокъ Галена и Евстаѳія (къ Иліадѣ Λ 202); я могу привести болѣе обстоятельное описаніе Цельса V, 28, 5: Chironium autem ulcus appellatur, quod et magnum est, et habet oras duras, callosas, tumentes. Exit sanies non multa, sed tenuis... non facile sanescit. Fit maxime in pedibus et cruribus. Интересно, что всѣ три медицинскихъ термина, заимствованные изъ миѳологіи (по крайней

кого ни коснется; теперь же, когда черный ядъ крови прошелъ еще черезъ рану этого чудовища (то-есть кентавра)—какъ ему не убить и его (Геракла)?“ [1]) Здѣсь мысль ясна: „черный ядъ крови“ гидры былъ и раньше достаточно силенъ; теперь же сталъ еще сильнѣе отъ того, что „прошелъ“ чрезъ кровь кентавра. Теперь намъ понятны и слова хора во второй эммеліи: „...какъ можетъ онъ разсчитывать увидѣть другое солнце, кромѣ нынѣшняго, онъ, котораго страшная кровь гидры заразила, онъ, котораго кромѣ того мучатъ и смертоносныя жала коварнаго черноволосаго чудовища, впившіяся въ его тѣло?“ (ст. 835 сл.) [2]). И здѣсь различаются два элемента яда;

мѣрѣ мнѣ извѣстны только эти три), именно Χειρώνειον ἕλκος, Αἰάντειος γέλως и Ἡράκλεια νόσος, имѣютъ основаніемъ мѣста изъ Софокла: первый—наше, второй „Эанта“ 303, о третьемъ см. ниже. Это одно доказываетъ близкое отношеніе Софокла къ медицинской литературѣ.

[1]) 714 сл.: τὸν γὰρ βαλόντ' ἄτρακτον οἶδα καὶ θεὸν Χείρωνα πημήναντα, χὤνπερ ἂν θίγῃ, φθείρει τὰ πάντα· κνωδάλου δὲ τοῦδε δὴ σφαγῶν διελθὼν ἰὸς αἵματος μέλας πῶς οὐκ ὀλεῖ καὶ τόνδε; таково чтеніе Наука, основанное на поправкѣ Hense; въ рукописяхъ φθείρει τὰ πάντα κνώδαλ'. ἐκ δὲ τοῦδ' ὅδε σφαγῶν, что непонятно. Удачная поправка Гензе подчеркнула градацію, но таковая заключается уже въ рукописномъ текстѣ.

[2]) πῶς ὅδ' ἂν ἕτερον ἀέλιον (этой перестановки требуетъ размѣръ) ἢ τανῦν ἴδοι, δεινοτάτῳ μὲν ὕδρας προστετακὼς φάσματι, μελαγχαίτα δ' ἄμμιγά νιν αἰκίζει φόνια δολιομύθου (рукопись δολιόμυθα, что безсмысленно; мы имѣемъ здѣсь двойной итифалликъ) κέντρ' ἐπιζέσαντα. Извѣстную crux составляетъ слово φάσματι; Джеббъ въ своей appendix приводитъ семь конъектуръ, врядъ-ли претендуя этимъ на полноту. Самъ онъ считаетъ это слово подлиннымъ и переводитъ the monstrous hydra. Съ этимъ согласиться нельзя; φάσμα ταύρου 508, на которое онъ ссылается, означаетъ приблизительно „призрачный быкъ“ и употреблено въ виду того, что образъ быка былъ однимъ изъ трехъ образовъ, въ которыхъ могъ появляться Ахелой, былъ, такъ сказать, однимъ изъ трехъ его „фазисовъ“—двумя другими были образы человѣческій и получеловѣческій—полубычачій. Къ гидрѣ, и въ особенности къ нашему мѣсту, это не идетъ, а требуемаго смысла monstrous наше слово нигдѣ не имѣетъ.

Мнѣ кажется, мы имѣемъ здѣсь дѣло просто съ этимологическимъ недоразумѣніемъ. Принято производить φάσμα только отъ φαίνω; оттого то и получилась безсмыслица. Но развѣ другая этимологія невозможна? Прошу обратить вниманіе на слѣдующія совпаденія: πλέονες ὅσοι ἠὲ πέφανται Ε 531: σοφίᾳ γὰρ ἔκ του πέφανται Antig. 620 (первое отъ φεν-, второе отъ φαίνω); λαβὼν δὲ ταύρου τοῦ πεφασμένου δάνος Lycophr. 269: μῦθον ἀτιμήσαιτε πεφασμένον Ξ 127: πεφασμένου δὲ τίς ποθ' ἡ προθυμία O. R. 838 (первое отъ φεν-, второе скорѣе отъ φημί, третье отъ φαίνω)—и при этомъ помнить, что въ отношеніи ходячихъ суффиксовъ -σις, -μα, -μίς, -τήρ и т. д. при извѣстной гибкости греческаго языка допустима та же свобода, какъ и въ отношеніи флексіонныхъ формъ. Если бы отъ глагола φεν- образовать subst.

на второмъ мѣстѣ упомянута зараженная кровь кентавра, въ ней мы должны, такимъ образомъ, видѣть болѣе важный элементъ, болѣе сильный ядъ. Да и начало строфы теперь яснѣе: „Коль скоро его мучительно опутала (χρίει) коварная необходимость кровавою сѣтью кентавра, проникнутою ядомъ, который родила смерть и вскормилъ лоснящійся змѣй—можетъ ли онъ дожить до завтрашняго дня?“ [1]).

---

verb. на -μα, то какимъ оно явилось бы? Отвѣтъ одинъ — τετιμημένος: τίμημα = πεφασμένος: φάσμα. По своему же коренному значенію φεν- не „убивать“, а „проливать кровь“; отсюда производныя со значеніемъ „красный“, φοίνιξ, δάφοινος и т. д. Такимъ образомъ, φάσμα (ср. φλέγμα) будетъ означать „пролитую кровь“, cruor; а это именно то значеніе, которое требуется здѣсь. Кому эти доводы не покажутся достаточно убѣдительными,—и дѣйствительно, ко всякому новому ἅπαξ εἰρημένον принято относиться недовѣрчиво—того я прошу взвѣсить слѣдующее.

Второй стасимъ оканчивается словами: ὅθεν μόλοι (Гераклъ) πανίμερος (Mudge; безъ этого легкаго измѣненія безсмысленнаго рукописнаго πανάμερος строфѣ недостаетъ главнаго: „пусть онъ придетъ, да, но придетъ полный сладкой тоски“) τᾶς Πειθοῦς παγχρίστῳ συγκραθεὶς ἐπὶ προφάσει θηρός; и эти слова составляютъ извѣстную crux. Смыслъ требуетъ конструкціи: συγκραθεὶς ἐπὶ τῇ παγχρίστῳ τῆς Πειθοῦς προφάσει τοῦ θηρός; чѣмъ она нехороша? Плеонастическій оборотъ συγκραθεὶς ἐπί τινι именно въ трагедіи имѣетъ многочисленныя аналогіи, двойной родительный τῆς πειθοῦς προφάσει τοῦ θηρός (первый качественный, второй притяжительный) совершенно въ духѣ трагедіи, какъ доказываютъ многочисленные примѣры, собранные Виламовицемъ Herakles II 46 сл.; только слово προφάσει само по себѣ можетъ возбудить недоумѣніе. Пусть же оно остается пока неизвѣстной величиной; смыслъ остальнаго ясенъ: „Гераклъ долженъ прійти, проникнутый чѣмъ то принадлежащимъ кентавру и возбуждающимъ любовь“ (πειθώ), будучи употреблено какъ мазь (παγχρίστῳ; ср. ἀρτίχριστον φάρμακον 687 и др. м.)“. Что это такое? Разумѣется, „кровь“: въ предложеніи συγκραθεὶς ἐπὶ τῷ παγχρίστῳ τῆς Πειθοῦς αἵματι τοῦ θηρός все было бы понятно. Итакъ, πρόφασις (τεν—: πρότασις= φεν—: πρόφασις) значитъ „кровь“, то-есть буквально: τὸ προρρέον αἷμα.

Мы до сихъ поръ занимались обѣими cruces въ отдѣльности; теперь сопоставимъ ихъ:

ὕδρας — φάσματι — προστετηκὼς
θηρὸς — προφάσει — συγκραθείς.

можно-ли считать это совпаденіе случайнымъ? Конечно, досадно, что оба слова, πρόφασις и φάσμα, болѣе въ требуемомъ здѣсь значеніи не встрѣчаются; но не забудемъ, что передъ нами — поэтъ-врачъ, и что медицинская терминологія аттиковъ должна была представлять много особенностей, въ сравненіи съ іонической, которая ее вытѣснила съ теченіемъ времени.

[1]) Εἰ γάρ σφε κενταύρου φονίᾳ νεφέλᾳ χρίει δολοποιὸς ἀνάγκα πλευρά, προστακέντος ἰοῦ, ὃν τέκε θάνατος, ἔτρεφε δ' αἰόλος δράκων, πῶς ὅδ' ἂν κτέ. Слово νεφέλα я, по примѣру старинныхъ толкователей, понимаю въ смыслѣ „сѣть“, какъ у Аристофана „Птицы“ 194 и нѣсколько разъ въ Антологіи; всякое другое толкованіе разру-

Эти слова указываютъ намъ на три прогрессирующихъ стадія въ развитіи яда. „Смерть родила его“, то-есть таинственная сила природы произвела его гдѣ-то въ *первичной*, но уже смертоносной формѣ—въ видѣ зелья, напримѣръ, „лоснящійся змѣй его вскормилъ“, то-есть принялъ его въ свое тѣло [1]), въ которомъ онъ, путемъ динамизаціи, достигъ своей *вторичной*, болѣе опасной формы. Наконецъ, стрѣла Геракла привила его кентавру, въ крови котораго онъ, путемъ новой динамизаціи, достигъ своей третичной, наиболѣе гибельной формы.

Нужно ли говорить, что это—уже не поэтическая, а прямо медицинская концепція яда? Такую динамизацію яда признаетъ и современная медицина: болѣзнетворные микроорганизмы, будучи перенесены изъ тѣла менѣе совершеннаго въ тѣло болѣе совершеннаго животнаго, развиваются въ немъ, въ силу чего увеличивается и ихъ разрушительная сила. Конечно, древняя медицина не знала микроорганизмовъ, но явленія, которыя мы объясняемъ ихъ дѣйствіемъ, не могли не быть извѣстны, такъ какъ эти явленія—въ родѣ собачьяго бѣшенства, наблюдаются часто.

Такимъ образомъ, на нашъ первый вопросъ,—вопросъ о происхожденіи яда—Софоклъ далъ намъ гораздо болѣе обстоятельный отвѣтъ, чѣмъ мы могли требовать; эта обстоятельность ясно свидѣтельствуетъ о его любви къ той области, изъ которой почерпнутъ отвѣтъ. и объ его познаніяхъ въ ней.

Второй вопросъ—вопросъ о *приготовленіи* яда. Тутъ въ положеніи Медеи и Деяниры принципіальной разницы не было; поэтому различное отношеніе обоихъ поэтовъ къ своей задачѣ тутъ довольно характерно. И здѣсь, и тамъ плащъ первоначально ядовитымъ не былъ; плащъ Медеи—подарокъ Гелія своей внучкѣ, плащъ Деяниры—ея собственная работа, которой она хотѣла почтить своего супруга; ядовитыя свойства плащъ и здѣсь, и тамъ пріобрѣтаетъ тѣмъ, что его смазываютъ ядовитымъ веществомъ. Дѣйствительно, Медея заявляетъ, ст. 799, что она намѣрена χρίειν свой плащъ: она дѣлаетъ это, по

шаетъ картину. Сѣтью не разъ у трагиковъ называется плащъ, при помощи котораго Клитемнестра погубила Агамемнона; тѣмъ болѣе это понятіе идетъ къ плащу Деяниры. Φόνιος, кровавый, тоже какъ нельзя болѣе умѣстно по отношенію къ такой сѣти.

[1]) Ядъ змѣя произошелъ, такимъ образомъ, отъ того, что онъ наѣлся ядовитаго зелья; это дѣйствительно народное представленіе; мы встрѣчаемъ его у Гомера Χ 93 ὡς δὲ δράκων ἐπὶ χειῇ ὀρέστερος ἄνδρα μένῃσιν, βεβρωκὼς κακὰ φάρμακα=mala gramina pastus у Вергилія.

видимому, во время третьяго стасима: Ἐρεχθεΐδαι τὸ παλαιὸν ὄλβιοι, но подробности намъ не сообщаются. Совершенно иначе поступаетъ Софоклъ.

Ядъ Деяниры, полученный ею отъ кентавра, мы уже знаемъ: это былъ комъ остывшей крови. До употребленія она должна была сохранять его „вдали отъ огня и внѣ прикосновенія теплаго луча (солнца) въ крытой (и, стало быть, прохладной) части дома“, ἄπυρον ἀκτῖνός τ' ἀεὶ θερμῆς ἄθικτον ἐν μυχοῖς (ст. 685)—при чемъ опредѣленіе θερμῆς доказываетъ, какъ мнѣ кажется, что кентавръ боялся дѣйствія теплоты на свой мнимый любовный элексиръ, подъ вліяніемъ которой, дѣйствительно, органическія вещества разлагаются. Уже эта заботливость доказываетъ намъ, что мы имѣемъ дѣло съ натуралистомъ.

Но со времени приключеній на Евенѣ прошло около двадцати лѣтъ; полужидкій въ началѣ комъ крови успѣлъ совершенно окаменѣть; ясно, что онъ въ этомъ видѣ не могъ служить мазью. Чтобы смазать имъ плащъ, Деянира должна была подвергнуть его предварительной операціи; въ чемъ же состояла эта операція? Подробностей Софоклъ не описываетъ, онъ ограничивается намекомъ, но этого намека вполнѣ достаточно для того, чтобы предупредить вопросъ: „да какъ же могла Деянира смазать свой плащъ окаменѣвшимъ кускомъ крови!“ Въ ст. 580 Деянира говоритъ подругамъ: „этой кровью я намастила плащъ, *прибавивъ къ ней то, что мнѣ указалъ, еще будучи живымъ, кентавръ*“, προσβαλοῦσ' ὅσα ζῶν κεῖνος εἶπε. Что же это такое? Да очевидно то, что обыкновенно употребляется при изготовленіи мази: Деянира растолкла свой комъ крови въ ступкѣ, потомъ примѣшала жиру или спуску (κηρωτή)—и мазь была готова.

Но какъ же она смазала плащъ? И это намъ разказывается, и разсказывается обстоятельно. Деянира выдернула клокъ шерсти изъ шкуры овцы—съ поэтической точки зрѣнія это совершенно безразлично, но съ медицинской нѣтъ, для работъ въ лабораторіи естественно берется свѣжій, не бывшій еще въ употребленіи матеріалъ. Затѣмъ она отправилась съ нею въ полутемную и, стало быть, прохладную комнату — во избѣжаніе воздѣйствія теплоты, разумѣется. Здѣсь она смазала приготовленною ею раньше мазью изнанку плаща; при этомъ должны были образоваться бурыя пятна—возможно ли допустить, что Гераклъ этихъ пятенъ не замѣтитъ? И этой трудности поэтъ не упустилъ изъ виду: ст. 604 сл. Деянира, отправляя плащъ къ Гераклу, сообщаетъ ему черезъ глашатая Лихаса наставленіе

о томъ, какъ ему надѣть его. Именно это наставленіе совершенно успокаиваетъ насъ.

Интересно и относительно этого пункта сравнить Софокла съ Еврипидомъ. Медея, посылая дѣтей съ плащемъ (и головнымъ уборомъ) къ своей соперницѣ Главкѣ, говоритъ имъ (ст. 969 сл.): ὦ τέκνα... πατρὸς νέαν γυναῖκα... ἐξαιτεῖσθε μὴ φεύγειν χθόνα, κόσμον διδόντες. τοῦδε γὰρ μάλιστα δεῖ, εἰς χεῖρ' ἐκείνην δῶρα δέξασθαι τάδε. Итакъ требуется только одно—чтобы Главка собственноручно приняла подарокъ отъ дѣтей. А что, если она, принимая этотъ подарокъ среди бѣла дня, замѣтитъ пятна, происшедшія отъ того, что Медея смазала его ядовитою мазью? Быть можетъ, должны мы отвѣтить, никакихъ пятенъ не было; при фантастичности всей обстановки ничто не мѣшаетъ намъ это допустить. Но вотъ гдѣ серьезное затрудненіе: какимъ образомъ страшный ядъ не разрушаетъ прежде всего тканей самого плаща, почему его дѣйствіе начинается лишь на тѣлѣ Главки? почему волшебный огонь появляется на головномъ уборѣ лишь тогда, когда его надѣла Главка, а не тогда, когда дѣти несли его черезъ облитую лучами солнца коринскую площадь? На этотъ вопросъ поэтъ намъ никакого отвѣта не даетъ; очевидно, онъ былъ того мнѣнія, что, разъ изобразивъ Медею волшебницей, онъ этимъ самымъ освободилъ себя отъ всякой необходимости удовлетворить требованіямъ реализма въ отношеніи ея чаръ.

У Софокла совсѣмъ не то; отправляя Лихаса къ Гераклу и передавая ему уложенный въ ларецъ плащъ, Деянира говоритъ ему слѣдующее (604 сл.):

διδοὺς δὲ τόνδε φράζ', ὅπως μηδεὶς βροτῶν
κείνου πάροιθεν ἀμφιδύσεται χροΐ,
μηδ' ὄψεταί νιν μήτε φέγγος ἡλίου
μήθ' ἕρκος ἱερὸν μήτ' ἐφέστιον σέλας,
πρὶν κεῖνος αὐτὸν φανερὸς ἐμφανῶς σταθεὶς
δείξῃ θεοῖσιν ἡμέρᾳ ταυροσφάγῳ.
οὕτω γὰρ ηὔγμην κτέ.

Итакъ, Деянира требуетъ, чтобы плащъ оставался въ ларцѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не надѣнетъ его самъ; такъ сказалъ ей, какъ мы узнаемъ изъ слѣдующаго дѣйствія, самъ кентавръ. Почему такъ нужно было, этому даются цѣлыхъ три объясненія: одно съ точки зрѣнія Геракла, другое съ точки зрѣнія Деяниры, третье съ точки зрѣнія кентавра; вообще замѣчательная обдуманность „Трахи-

нянокъ", замѣчательное искусство Софокла сказывается въ томъ, что одинъ и тотъ же результатъ представлѐнъ правдоподобнымъ и естественнымъ съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія. Не забудемъ, что Деянира обманываетъ Геракла, а кентавръ обманываетъ обоихъ, что съ точки зрѣнія Геракла Деяниринъ даръ — обыкновенный праздничный нарядъ, съ точки зрѣнія Деяниры—любовное средство, съ точки зрѣнія кентавра—ядъ.

Съ точки зрѣнія Геракла—праздничный нарядъ, сюрпризъ, такъ сказать, для боговъ; поэтому его не слѣдуетъ показывать богамъ раньше того торжества, для котораго онъ назначенъ: ни богу Гелію, ни богамъ алтарей, ни богинѣ очага, Гестіи; а отсюда слѣдуетъ, что его нужно держать въ темномъ мѣстѣ. А чтобы Гераклъ еще тщательнѣе исполнилъ это наставленіе, Деянира велитъ ему сказать, что оно было условіемъ даннаго ею обѣта, то-есть, что плащъ былъ обѣщанъ богамъ какъ украшеніе ихъ празднества въ благодарность за спасеніе Геракла; а обѣтъ, конечно, долженъ быть исполненъ въ буквальномъ смыслѣ. Разумѣется, слова Деяниры могутъ быть истинны; она, вѣдь, не предвидѣла измѣны Геракла въ то время, когда ткала ему плащъ — послѣдній былъ задуманный ею именно какъ праздничный даръ Гераклу.

Съ точки зрѣнія Деяниры—любовное средство, при томъ волшебное; для дѣйствительности чаръ необходимо соблюденіе опредѣленныхъ условій, смыслъ которыхъ далеко не всегда бываетъ понятенъ; условія эти Деянира узнала отъ кентавра, которому и повѣрила. Впрочемъ, эти условія отчасти понятны, и немудрено, что она приняла ихъ на вѣру: такъ какъ полюбить Деяниру долженъ былъ именно Гераклъ, то само собою разумѣется, что никто раньше его не долженъ надѣть плащъ; такъ какъ чары—дѣло ночи и ночныхъ силъ, то понятно, что онѣ свѣта боятся.

Наконецъ, съ точки зрѣнія кентавра—ядъ. Здѣсь всѣ религіозныя и суевѣрныя соображенія исчезаютъ; мы находимся на почвѣ физики и химіи. Софоклъ, какъ врачъ и натуралистъ, постарался обосновать дѣйствіе своего яда съ такой научной точностью, которой мы не находимъ у трагическихъ поэтовъ вплоть до новѣйшихъ временъ. Объ этомъ рѣчь будетъ тотчасъ; во всякомъ случаѣ, на интересующій насъ здѣсь непосредственно вопросъ данъ отвѣтъ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительный. Дѣйствіе яда не начнется раньше, чѣмъ на тѣлѣ Геракла, такъ какъ до послѣдней минуты ядъ будетъ находиться въ прохладномъ деревянномъ (ζύγαστρον, собственно сколочен-

ный ящикъ) ларцѣ, не подвергаясь воздѣйствію теплоты; и Гераклъ пятенъ на немъ не замѣтитъ, такъ какъ онъ надѣнетъ его въ потьмахъ. Разумѣется, для полнаго правдоподобія требуется, чтобы эти бурыя пятна были не слишкомъ разительны; то-есть, чтобы плащъ былъ не бѣлаго, а пурпурнаго цвѣта; но такъ какъ онъ былъ назначенъ для торжественнаго случая, то это было очень вѣроятно: вѣдь и Андромаха ткала своему мужу δίπλακα πορφυρέην (X 441), когда его настигла смерть.

Третій вопросъ—вопросъ о *свойствахъ* яда. На него Еврипидъ не даетъ никакого отвѣта. Софоклъ же даетъ самый полный и обстоятельный отвѣтъ, какого мы только можемъ требовать; онъ посвящаетъ ему сцену ст. 672 сл. Эта сцена—настоящій шедевръ; я не знаю другаго примѣра столь эффектной драматизаціи простаго химическаго опыта.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что съ поэтической точки зрѣнія оба поэта поступили правильно—какъ Еврипидъ тѣмъ, что онъ оставилъ этотъ пунктъ въ сторонѣ, такъ и Софоклъ тѣмъ, что развилъ его обстоятельно... У Еврипида Медея знала, что дѣлала: въ ядовитыхъ свойствахъ своей микстуры она была убѣждена заранѣе, такъ что не было драматургическаго основанія заставлять ее открыть ихъ, Деянира, напротивъ, была увѣрена что ея мазь—любовное средство; ядовитыя ея свойства, поэтому для нея—нѣчто неожиданное, и та сцена, гдѣ она ихъ открываетъ, является важнымъ шагомъ впередъ въ драматическомъ развитіи дѣйствія. И здѣсь, стало быть, сцена была задумана Софокломъ-поэтомъ, но отдѣлка частностей принадлежитъ Софоклу-врачу.

Деянира выходитъ изъ дома; она страшно взволнована. Разказать дѣло какъ слѣдуетъ она не можетъ; сначала она, поэтому, не вдаваясь въ подробности, вкратцѣ описываетъ ту картину, которую она все еще, какъ ей кажется, видитъ своими глазами; лишь послѣ этого описанія она настолько успокаивается, что разказываетъ все сначала, по порядку, хотя все еще не безъ волненія. „Случилось нѣчто такое, подруги, что, если я вамъ это разкажу,—оно покажется вамъ невообразимымъ чудомъ. То, чѣмъ я только что смазывала то праздничное одѣяніе—бѣлая шерсть прекраснорунной овцы—то разрушилось, не будучи однако истреблено никѣмъ изъ домочадцевъ, нѣтъ—эта шерсть сама собою распалась и, крошась, стекаетъ по поверхности почвы...“

ᾧ γὰρ τὸν ἐνδυτῆρα πέπλον ἀρτίως
ἔχριον, ἀργῆς οἰὸς εὐέρου πόκος,

τοῦτ' ἠφάνισται διάβορον πρὸς οὐδενὸς
τῶν ἔνδον, ἀλλ' ἐδεστὸν ἐξ αὑτοῦ φθίνει
καὶ ψῇ κατ' ἄκρας σπιλάδος.

Скажу тутъ нѣсколько словъ о частностяхъ. По примѣру Вундера я измѣнилъ рукописное чтеніе ἔχριον ἀργῆτ' οἰὸς εὐέρου πόκῳ, по которому приходилось ἀργῆτ(α) относить къ πέπλον; эта конъектура мнѣ кажется положительно необходимой. Во-первыхъ, по изложеннымъ выше причинамъ мы не можемъ представлять себѣ плаща Деяниры „ярко бѣлымъ"; во-вторыхъ, безсодержательный эпитетъ къ плащу не могъ занимать такого виднаго мѣста въ стихѣ; если же понимать ἀργῆτα, какъ это дѣлаетъ Веклейнъ, въ предикативномъ смыслѣ „помазала такъ, что онъ блестѣлъ", то это и не совсѣмъ правильно— ἀργής значитъ не просто блестящій. а именно, ярко-бѣлый, какъ доказываетъ между прочимъ, антитеза у Эсхила Аг. 112 ὁ κελαινὸς ὅ τ' ἐξόπιν ἀργᾶς, а такимъ, разумѣется, не былъ плащъ, смазанный бурою мазью; сверхъ того врядъ ли умѣстно, чтобы Деянира такъ подчеркивала свое неблагоразуміе. Наконецъ, въ-третьихъ, неестественно, чтобы Деянира такъ нагромождала эпитеты плаща, между тѣмъ какъ онъ въ *теперешней* сценѣ никакой роли не играетъ. Напротивъ, какъ эпитетъ шерсти ἀργής (ср. Aesch. Eum. 45 ἀργῆτι μαλλῷ) какъ нельзя болѣе умѣстно. Деянира нарочно настаиваетъ на томъ, что она взяла для своей работы *чистую* шерсть; это съ одной стороны служитъ апологетической цѣли всего разказа, о которой скажу потомъ, а съ другой стороны характеризуетъ и медицинскую акрибію самого поэта: такъ какъ шерсть была совершенно чиста, то ея разрушеніе можно было приписать только дѣйствію крови кентавра, а не чему либо другому.

Слово ἠφανίσθη я перевелъ словомъ „разрушилось", а не „исчезло"; дѣйствительно, изъ дальнѣйшаго видно, что шерсть только потеряла свой первоначальный видъ, а не совсѣмъ исчезла. Фраза ψῇ κατ' ἄκρας σπιλάδος, которую Наукъ считалъ безсмысленною и безнадежно испорченной, на мой взглядъ является одной изъ самыхъ интересныхъ для нашего вопроса во всемъ Софоклѣ. Конечно, ψῇ въ смыслѣ καταψήχεται—ἅπαξ εἰρημένον, также какъ выше, по моему объясненію, φάσμα, πρόφασις и θρέμμα; разъ мы находимся въ медико-натуралистической сферѣ, такія единичности не должны насъ удивлять. Значеніе слова σπιλάς здѣсь опредѣляется его двойнымъ употребленіемъ: σπιλάς=камень и γῆ σπιλάς у почвовѣдовъ, представителемъ которыхъ является для

насъ Θеофрастъ. Правда, у Θеофраста Ростъ переводитъ его черезъ töniger Boden; но во-первыхъ, это не вяжется со значеніемъ „камень", а во-вторыхъ, не соотвѣтствуетъ и смыслу. У Θеофраста (caus. pl. II 4, 4) γῆ σπιλάς какъ разновидность почвы λευκόγειος противополагается песчаной почвѣ λειμωνία καὶ ἔψαμμος; обѣ въ свою очередь какъ λεπταὶ καὶ δενδροφόροι противополагаются почвѣ πίειρα καὶ σιτοφόρος, при чемъ говорится, что черезъ λευκόγειος влага просачивается, такъ что верхніе слои у нея сухіе, а подпочва влажная, вслѣдствіе чего она годится не для хлѣба, а для деревьевъ, глубоко запускающихъ свои корни въ землю, между тѣмъ какъ πίειρα задерживаетъ влагу, вслѣдствіе чего она, въ виду влажности своихъ верхнихъ слоевъ, болѣе годится для растеній съ неглубокими корнями, между прочимъ для хлѣбовъ. Изъ этого описанія, какъ мнѣ кажется, непремѣнно слѣдуетъ, что глинистая почва вмѣстѣ съ черноземной относится ко второй θеофрастовой рубрикѣ, къ γῆ πίειρα καὶ σιτοφόρος, а песчаная съ известковой къ первой, къ λευκόγειος; а такъ какъ λευκόγειος по Θеофрасту распадается именно на двѣ разновидности, σπιλάς и ἔψαμμος, изъ которыхъ послѣдняя по этимологическимъ причинамъ должна быть отожествлена съ песчаной почвой, то ясно что σπιλὰς γῆ соотвѣтствуетъ нашему термину „известковая почва". Этотъ результатъ для интересующаго насъ мѣсто важнѣе, чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ.

Но что значитъ ψῆ κατ' ἄκρας σπιλάδος? Джеббъ воспроизводитъ объясненіе схоліаста: κατατήκεται καὶ ῥεῖ καὶ διαλύεται ἀπὸ τοῦ λίθου διαρρέον, при чемъ, несомнѣнно, правильно понято значеніе предлога, но, столь же несомнѣнно, неправильно понято значеніе слова σπιλάς. Схоліасты съ техническими терминами естественныхъ наукъ знакомы не были, для нихъ σπιλάς было просто „камень" (σπιλὰς ἡ πέτρα, говорятъ они и здѣсь); чтобы добыть изъ нашего мѣста какой нибудь смыслъ, они должны допустить, что Деянира положила клокъ шерсти, уходя, на камень (ὡς οὖν ἐπὶ λίθου θεμένη αὐτὸ τοῦτο φησίν). Но это невѣрно: изъ стиховъ 698 (κατέψηκται χθονί) и 701 (ἐκ δὲ γῆς ὅθεν προὔκειτο) видно, что она бросила его просто на землю; какъ же соединить этотъ фактъ съ представленіемъ ψῆ κατ' ἄκρας σπιλάδος? Такъ какъ мы знаемъ что шерсть была брошена на солнопекъ (ἀκτῖν' ἐς ἡλιῶτιν), то позволительно догадаться, что мѣстомъ, гдѣ она находилась, былъ дворъ, αὐλή, такъ что подъ σπιλάς придется разумѣть утрамбованную известковую почву этого двора... „Почему известковую?" спроситъ читатель; потому, что другой почвы ни въ Трахинѣ, лежав-

шемъ на склонѣ Эты, ни въ Аѳинахъ [1]) не было. Горизонтальной эта почва ни въ какомъ случаѣ не была; мы должны представить себѣ ее съ нѣкоторымъ наклономъ, все равно, былъ ли это естественный наклонъ, обусловливаемый только что упомянутымъ положеніемъ Трахина, или искусственный, въ видахъ болѣе удобнаго стока воды. А если такъ, то и фраза φῇ κατ' ἄκρας σπιλάδος понятна; замѣчу теперь же, что мое толкованіе ея находитъ себѣ подтвержденіе въ ст. 688—702, къ объясненію которыхъ я перейду тотчасъ.

Отдѣлавшись отъ мучительно преслѣдующей ее картины, Деянира разказываетъ по порядку, какъ все произошло. Невольно ея разказъ получаетъ апологетическій характеръ; „я не виновата, я во всемъ тщательно исполняла наставленія кентавра". Лишь послѣ 705 ст., гдѣ кончается вторая часть ея ῥῆσις (I : 672—679, вступительная картина; II : 680 — 705; III : 706 — 722), она ставитъ себѣ естественный вопросъ: „А что, если кентавръ обманулъ меня?"

„Наставленія кентавра, которыя онъ далъ мнѣ среди предсмертныхъ мученій [2]), я исполнила свято; они состояли въ томъ, чтобы данное имъ средство хранить вдали отъ всякаго источника теплоты. Такъ я и дѣлала: сообразно съ этимъ я стирала плащъ въ темной (и, стало быть, прохладной) комнатѣ дома и затѣмъ, сложивъ его, уложила въ деревянный ящикъ, какъ вы это и видѣли. Шерсть же я, не долго думая, бросила прямо на солнопекъ. Тамъ она мало по малу согрѣлась, начала таять, все болѣе и болѣе теряя свой видъ (ὡς δ' ἐθάλπετο, ῥεῖ πᾶν ἄδηλον), и подъ конецъ раскрошилась на землѣ (κατέψηκται χθονί), будучи съ виду похожа скорѣе всего на кучку

---

[1]) Замѣчаю это на всякій случай; что касается меня лично, то я изъ чтенія „Трахинянокъ" вынесъ убѣжденіе, что Софоклъ самъ былъ въ трахинской области — попасть же туда онъ могъ очень легко, если не ради какой нибудь ѳеоріи въ честь Геракла, къ культу котораго онъ (какъ мы видѣли) стоялъ близко, то въ качествѣ пилагора или гіеромнемона. Описаніе открывающагося съ трахинскихъ высотъ горизонта, въ ст. 633 сл., замѣчательно вѣрно, насколько можно судить объ этомъ по картамъ; врядъ ли Софоклъ могъ знать его иначе, какъ по автопсіи.

[2]) Врядъ ли правъ Наукъ, объявляя слова Κένταυρος πονῶν πλευρὰν πικρᾷ γλωχῖνι подложными. Эта предсмертная боль была для него тѣмъ же, чѣмъ для аѳинскихъ рабовъ при допросѣ ихъ на судѣ была пытка, βάσανος; подобно ей она—по понятіямъ тѣхъ временъ,—гарантировала достовѣрность его словъ, и вполнѣ естественно, что Деянира, строящая свою защиту на своемъ добросовѣстномъ исполненіи наставленій кентавра, подчеркиваетъ то обстоятельство, которое должно было внушить ей довѣріе къ нему.

свѣжихъ опилокъ (μορφῇ μάλιστ' εἰκαστὸν ὥστε πρίονος ἐκβρώματ' ἂν βλέψειας ἐν τομῇ ξύλου; въ этихъ послѣднихъ словахъ заключается оттѣнокъ „свѣжія“). При этомъ она медленно стекаетъ вдоль по поверхности; а на томъ мѣстѣ почвы, гдѣ она находилась раньше, вскипаетъ комоватая пѣна цвѣта крови, въ родѣ той, что получается, если вылить на землю сладкаго напитка отъ красныхъ плодовъ Вакховой лозы“:

τοιόνδε κεῖται προπετές· ἐκ δὲ γῆς, ὅθεν
προύκειτ', ἀναζέουσι θρομβώδεις ἀφροί,
γλαυκῆς ὀπώρας ὥστε πίονος ποτοῦ
χυθέντος ἐς γῆν Βακχίας ἀπ' ἀμπέλου.

Здѣсь мы должны на минутку остановиться; въ объясненіи словъ τοιόνδε κεῖται προπετές я значительно расхожусь съ прочими толкователями, которые передаютъ ихъ черезъ tale erat quod humi dejeceram (Наукъ) или другими оборотами того же содержанія. Объ убожествѣ этой мысли нѣтъ надобности распространяться; ея стилистическая правильность тоже сомнительна; но главное вотъ что. За этими словами слѣдуетъ ἐκ δὲ γῆς ὅθεν προύκειτο, „гдѣ она *лежала*“—и, стало быть, болѣе не лежитъ; это продолженіе заставляетъ насъ предположить, что въ предшествующихъ словахъ говорилось о *движеніи* клока шерсти, какъ это и воспроизведено въ моемъ переводѣ: при обычномъ же толкованіи словъ τοιόνδε κτἑ. оно безсмысленно. Этимологически слово προπετής можетъ имѣть требуемое значеніе, такъ какъ оно = προπίπτων, такъ же какъ χαμαιπετής = χαμαὶ πίπτων; но, если не считать одного мѣста Еврипида, гдѣ значеніе не совсѣмъ ясно (ἢ δεῖ σ' ἐπιδεῖν τύμβου προπετῆ ... παρθένον Hec. 150), то наше слово въ классической поэзіи и прозѣ въ этомъ значеніи не употребляется. Но не даромъ Софоклъ былъ поэтомъ-врачемъ; значеніе, въ которомъ онъ употребилъ слово προπετής,—именно то, которое ему присвоивается въ медицинской терминологіи. Наиболѣе благопріятное положеніе больнаго на постели, говоритъ Гиппократъ, это то, въ которомъ онъ привыкъ лежать, будучи здоровымъ; не хорошо, если онъ лежитъ на спинѣ, вытянувъ ноги; если же онъ при этомъ станетъ медленно скользить съ изголовья по направленію къ ногамъ, то это совсѣмъ плохая примѣта“ (εἰ δὲ καὶ [доп. πρὸς τῷ ὕπτιος εἶναι] καταρρέοι προπετὴς ἐπὶ πόδας, χεῖρον. Coac. progn. VIII 881 Chart. Соотвѣтствующее мѣсто изъ Прогностика § 3 εἰ δὲ καὶ προπετὴς γένοιτο καὶ καταρρέοι ἀπὸ τῆς κλίνης ἐπὶ πόδας, δεινότερόν ἐστι, было лучше по-

нято Цельсомъ II 6, ubi deorsum ad pedes subinde delabitur, нежели новѣйшимъ переводчикомъ). Ср. также π. ἄρθρων XII 376 и γυναικ. A VII 718. Итакъ, у Гиппократа больной, который, лежа на спинѣ, медленно соскальзываетъ съ подушки (subinde delabitur), двигаясь по направленію къ ногамъ, названъ προπετής; точно также здѣсь шерсть, медленно скользящая по наклону почвы, названа такъ, и мы вполнѣ правильно могли бы, пользуясь переводомъ Цельса, передать наше мѣсто по латыни такъ: tale iacet, subinde delabens.

Но перейдемъ къ описанію всего явленія. Какъ видно, Софоклъ различаетъ въ немъ двѣ части: дѣйствіе яда на шерсть, и дѣйствіе яда на почву. Шерсть подъ вліяніемъ яда раскрошилась и превратилась въ массу, похожую на кучку опилокъ; таково въ самомъ дѣлѣ дѣйствіе на шерсть не слишкомъ сильныхъ кислотъ. Такъ, напримѣръ, подъ вліяніемъ слегка разбавленной азотной кислоты шерсть распадается въ порошокъ (пироксилинъ) вслѣдствіе того, что органическая ткань разрушается. Изъ почвы подъ вліяніемъ яда выступаетъ комоватая пѣна цвѣта крови, θρομβώδεις ἀφροί; это новое доказательство, что Софоклъ представлялъ себѣ ядъ какъ кислоту: заключающіяся въ почвѣ углекислыя соли подъ вліяніемъ болѣе сильной кислоты отдаютъ свою углекислоту, которая выступая на поверхность въ видѣ пузырей, образуетъ комоватую пѣну (въ данномъ случаѣ— красную, такъ какъ самый ядъ, застывшая кровь кентавра, былъ краснаго цвѣта). Конечно, для того, чтобы опытъ удался, необходимо, чтобы углекислыя соли—то-есть главнымъ образомъ, известь—заключались въ почвѣ въ достаточномъ количествѣ; но вѣдь мы видѣли, что такъ оно и было—наша почва была γῆ σπιλάς, „известковая почва“. Итакъ, оба явленія доказываютъ, что ядъ представлялъ изъ себя кислоту умѣренной силы; то же самое говоритъ намъ иными словами самъ поэтъ, когда онъ сравниваетъ дѣйствіе яда на почву съ тѣмъ, которое замѣчается, если пролить на землю вина. Дѣйствительно, содержащаяся въ винѣ винная кислота, будучи сильнѣе углекислоты, тоже должна вытѣснить ее изъ почвенныхъ солей и, слѣдовательно, образовать пѣну. Можно спросить, почему поэтъ не предпочелъ сослаться на уксуса, съ которымъ этотъ опытъ удается еще лучше; причина, очевидно, та, что уксуса никто зря на землю не проливалъ, между тѣмъ какъ съ виномъ это при либаціяхъ дѣлалось сплошь и рядомъ.

Еще остается объяснить явленіе, на которое поэтъ указалъ словами καὶ ψῇ κατ' ἄκρας σπιλάδος и τοιόνδε κεῖται προπετές. Почему клокъ

шерсти скользитъ по поверхности земли, почему онъ не остается на мѣстѣ? И это вполнѣ удовлетворительно объясняется тѣмъ, что мы знаемъ. Клокъ шерсти былъ, какъ это понятно, весь пропитанъ ядовитой мазью, которая до тѣхъ поръ была въ полужидкомъ состоянiи и въ прохладномъ мѣстѣ особаго вліянія на шерсть не оказывала. Но вотъ подъ вліяніемъ солнца мазь растаяла и образовала жидкую гущу, которая, какъ и всякая жидкость, потекла въ направленіи упомянутаго выше наклона почвы, унося съ собой легкую шерсть.

Такова наша сцена; мнѣ кажется, по своему характеру она устраняетъ всякія сомнѣнія относительно спеціальности ея автора. Чтобы еще болѣе убѣдить читателя въ этомъ, приведу параллель изъ Еврипида. Правда, „Медея", какъ мы видѣли, схожей сцены не содержитъ; за то такую сцену содержитъ „Іонъ" того же поэта. Ревнивая Креуса рѣшила отравить Іона, котораго она принимаетъ за незаконнаго сына своего мужа: черезъ вѣрнаго слугу она посылаетъ ему ядъ. Слуга пользуется удобнымъ случаемъ, который ему представляетъ затѣянная молодымъ человѣкомъ въ кругу друзей пирушка; подобно нищенствующему Одиссею, онъ предлагаетъ пирующимъ свои услуги; когда наступаетъ моментъ либаціи, онъ самъ наливаетъ Іону вина и незамѣтно вливаетъ въ ту же чашу и ядъ. Всѣ встаютъ и поднимаютъ бокалы — вдругъ какой то рабъ произноситъ слово недоброй примѣты (*первая* случайность); Іонъ, который, какъ питомецъ дельфійскаго бога, строго держался благочинія, приказываетъ друзьямъ вылить оскверненное вино и снова наполнить чаши, при чемъ самъ подаетъ имъ примѣръ; благодаря счастливой случайности онъ спасенъ, самъ того не зная. Но вотъ прилетаетъ стая голубей (*вторая* случайность); завидѣвъ вылитую влагу, они подлетаютъ и начинаютъ ее пить (что уже прямо невѣроятно); всѣ остаются живы и здравы, только тотъ, который напился Іонова вина, вдругъ съ жалобнымъ пискомъ замоталъ головкой, закружился и черезъ нѣсколько мгновеній упалъ мертвый, вытянувъ свои красныя ножки. Я нарочно перевелъ послѣднюю фразу, обнаруживающую одну красивую черту Еврипида, которая характеризуетъ его, также какъ и Эсхила и въ противоположность къ Софоклу—его любовь къ животнымъ; но не для того привелъ я это мѣсто, а также не для того, чтобы противопоставить его нѣсколько фантастическій характеръ (двѣ случайности и одна невѣроятность) строго реальному описанію Софокла, а вотъ для чего: для всякаго поэта и натуралиста самое естественное рѣшеніе той задачи, которую они поставили себѣ оба — обнаружить

вредныя свойства яда до отравленія имъ того лица, для котораго онъ предназначался—будетъ состоять именно въ томъ, что мы находимъ у Еврипида, то-есть въ томъ, что ядъ по недоразумѣнію или вслѣдствіе случайности будетъ проглоченъ другимъ живымъ существомъ, которое отъ него и умретъ. У Софокла не то: онъ избралъ средство столь же сложное и оригинальное, сколько удачное въ глазахъ всякаго знакомаго съ дѣломъ судьи: дѣйствіе яда сначала на неорганическую а затѣмъ на органическую, но неодушевленную матерію. Но всякій согласится, что безъ особой любви къ естественнымъ наукамъ нельзя было возымѣть эту идею, а безъ спеціальныхъ познаній въ нихъ—исполнить ее такъ, какъ исполнилъ ее Софоклъ.

Наконецъ, четвертый вопросъ касается *дѣйствія* яда на того человѣка, для котораго онъ былъ назначенъ—на Геракла; это вмѣстѣ съ тѣмъ самый интересный для насъ вопросъ. Дѣйствительно, все предыдущее касается не медицины въ нашемъ смыслѣ слова, но фармацевтики, химіи, физики, которыя въ древнее время были нераздѣльно связаны съ медициной: здѣсь же мы имѣемъ дѣло съ чисто патологическими явленіями. Начнемъ опять, въ видахъ болѣе яркаго оттѣненія того, что̀ сдѣлалъ Софоклъ, съ „Медеи“ Еврипида.

Дѣти Медеи передаютъ Главкѣ роковой даръ, платье и головной уборъ (ст. 1159); она надѣваетъ то и другое, затѣмъ, какъ дѣвушка кокетливая, любуется на себя въ зеркало, затѣмъ прохаживается по комнатѣ, чтобы узнать, идетъ ли къ ней платье. Вдругъ она „мѣняетъ цвѣтъ“ и едва успѣваетъ добѣжать до ближайшаго стула; пѣна выступаетъ у нея изо рта, глаза закатываются, смертельная блѣдность покрываетъ лицо. Нѣкоторое время она лежала безмолвная и точно объятая сномъ; но вотъ на ея головѣ запылалъ волшебный огонь—дѣйствіе подареннаго Медеей головнаго убора. Съ крикомъ она вскакиваетъ, бѣжитъ, старается стряхнуть уборъ—все напрасно; чѣмъ больше она бѣжитъ, тѣмъ сильнѣе разливается по ея головѣ жидкое пламя. Вскорѣ она падаетъ на землю, изуродованная до неузнаваемости; съ ея волосъ стекала кровь, „смѣшанная съ огнемъ“, ея плоть таяла, точно смола, подъ „незримыми челюстями“ яда. Такъ она умираетъ. Смерть ея отца Креонта, неосторожно бросившагося обнимать ея бездыханное тѣло, не разказана подробно; очень вѣроятно, что поэтъ представлялъ себѣ ее приблизительно такою же.

Нечего и говорить, что мы окружены здѣсь совершенно сказочной обстановкой, что это за жидкое пламя, которое стекаетъ съ головного убора Главки? Потокъ расплавленнаго металла? Но какимъ образомъ

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССV.

1896.

МАЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

Редакторъ **В. Васильевскій.**

(Вышла 1-го мая).

этотъ расплавленный металлъ появляется на ея головѣ? И что это за мазь, подъ вліяніемъ которой плоть Главки таетъ, точно смола? Наивенъ былъ бы тотъ, кто сталъ бы требовать серьезныхъ отвѣтовъ на подобные вопросы. Весь интересъ поэта былъ сосредоточенъ на развитіи характера Медеи; тутъ, въ психологической мотивировкѣ дѣйствія, онъ дѣйствительно реалистиченъ. Но физіологическій и патологическій реализмъ не входилъ въ его разсчетъ. Мало того: онъ не былъ знакомъ со значеніемъ даже тѣхъ патологическихъ явленій, которыя онъ, ради наглядности, изображаетъ. Когда старая прислужница видитъ Главку въ обморокѣ, она начинаетъ причитывать, „полагая, говоритъ поэтъ, что это гнѣвъ Пана или какого-нибудь другого бога обрушился на Главку", то-есть, говоря технически, что она страдаетъ такъ называемой ἱερὰ νόσος; но когда она замѣтила пѣну у ея рта и ея закатившіеся глаза, она прекратила свои причитанія и заголосила, точно надъ покойникомъ. А между тѣмъ именно эти два явленія, пѣна у рта и закатившіеся глаза, и являются симптомами ἱερὰ νόσος, какъ мы узнаемъ изъ Гиппократа (περὶ ἱερῆς νούσου X 480 Chart.): καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ διαστρέφονται τῶν φλεβίων ἀποκλειομένων τοῦ ἠέρος καὶ σφύζονται, ἀφρὸς δὲ ἐκ τοῦ στόματος προέρχεται. Тутъ-то, стало быть, причитанія и были бы умѣстны.

Все это, разумѣется, не упрекъ по адресу поэта, отъ котораго мы не имѣемъ права требовать реализма въ этой области. Можно быть вполнѣ убѣжденнымъ, что всякій другой древній поэтъ поступилъ бы въ данномъ случаѣ такъ же, какъ поступилъ Еврипидъ, то-есть заботился бы не о медицинскомъ, а о поэтическомъ правдоподобіи. Но тѣмъ болѣе характерно то, что Софоклъ поступилъ не такъ.

О дѣйствіи ядовитаго плаща на тѣло Геракла Деянира узнаетъ отъ собственнаго сына, Гилла, который былъ очевидцемъ того, что случилось. Итакъ, мы имѣемъ и здѣсь, и тамъ, вмѣсто драматической сцены, эпическій расказъ. Но вотъ въ чемъ замѣчается существенная разница. Расказчикъ въ „Медеѣ" дѣйствительно расказываетъ только то, что онъ самъ могъ видѣть; здѣсь, напротивъ, Гиллъ расказываетъ не только то, что дѣлалъ, но и то, что чувствовалъ Гераклъ, и чего, конечно, никто кромѣ Геракла знать не могъ. Итакъ, Еврипидъ соблюдаетъ то, что древніе называли πιθανόν, Софоклъ нарушаетъ его; обыкновенно бываетъ наоборотъ. Софоклъ этотъ разъ уклонился отъ своего правила неукоснительно соблюдать драматическое правдоподобіе въ расказахъ, и уклонился спеціально для того, чтобы

дать возможно полную симптоматологію мучившей Геракла болѣзни; уже это одно—довольно характерный признакъ.

Лихасъ приноситъ Гераклу платье какъ разъ въ то время, когда онъ намѣревался приступить къ жертвоприношенію (756); надѣвая его, онъ въ точности соблюдалъ наставленія Деяниры (759). Въ началѣ все шло хорошо, самъ Гераклъ былъ въ веселомъ настроеніи духа, онъ радовался подарку жены. Почему же ядъ дѣйствовалъ такъ медленно? Поэтъ сообщаетъ намъ причину въ 765 ст.: пламя разгоралось медленно, такъ какъ ему приходилось бороться съ двойною влагой [1]), и съ кровью жертвенныхъ животныхъ,и съ сыростью свѣжихъ дровъ. Слѣдующее воспроизвожу въ переводѣ: „Но вотъ, когда разгорѣлось пламя священнаго жертвоприношенія, побѣждая кровь и сокъ дубовыхъ дровъ, у него выступилъ на тѣлѣ потъ, и хитонъ прилипъ къ его бокамъ на всей ихъ поверхности, точно приклеенный столяромъ. Тутъ *жгучая боль проняла его до мозга костей, а затѣмъ стала грызть кругомъ себя, точно гибельный ядъ ненавистной гадюки.* И вотъ онъ съ крикомъ призвалъ несчастнаго Лихаса, ничуть неповиннаго въ твоемъ злодѣйствѣ, и спросилъ его, съ какимъ коварнымъ замысломъ принесъ онъ этотъ плащъ. Тотъ, бѣдный, ничего не зная, отвѣчалъ ему, что онъ принесъ этотъ плащъ исключительно какъ твой подарокъ, какъ ему было приказано. Когда Гераклъ услышалъ эти слова, *и въ то же время мучительная судорога стала ему щемить легкія*, онъ схватилъ его за ногу, тамъ гдѣ вращается ея

[1]) Обыкновенно это мѣсто—ὅπως δὲ σεμνῶν ὀργίων ἐδαίετο φλὸξ αἱματηρὰ κἀπὸ πιείρας δρυός — понимается иначе: толкователи соединяютъ αἱματηρὰ φλὸξ σεμνῶν ὀργίων καὶ ἀπὸ πιείρα; δρυός, представляя себѣ, такимъ образомъ, горящими не только дрова, но и ὄργια; этого я не понимаю. Не понимаю также, къ чему здѣсь πίειρα δρῦς, если эти слова переводить, какъ это дѣлаютъ толкователи, черезъ „смолистая сосна“; они поучаютъ насъ при этомъ, что именно смолистыя дрова должны дать яркое пламя, каковое считалось хорошимъ предзнаменованіемъ. Вѣрю: но умѣстно ли здѣсь хорошее предзнаменованіе? Мнѣ кажется, что здѣсь требуется предзнаменованіе совершенно противоположнаго характера; а его мы получимъ, соединяя, какъ этого требуетъ и смыслъ, σεμνῶν ὀργίων φλὸξ αἱματηρὰ καὶ ἀπὸ πιείρας δρυός = ἅτε αἱματηρὰ καὶ ἀπὸ π. δρ. οὖσα. Именно вслѣдствіе того, что крови было много и дрова были сырыя, пламя разгоралось медленно. Подъ словомъ πίων въ примѣненіи къ дереву разумѣется его обиліе древесными соками; такъ Θеофрастъ употребляетъ это слово въ отношеніи всѣхъ вообще деревьевъ caus. pl. V 9, 2 ὑγρότης ἡ οἰκεία πιοτέρα (у старыхъ деревьевъ) τῶν νέων. Правда, что πίονα δένδρα преимущественно—хвойныя деревья (ibid. VI 11, 6), но мнѣ не извѣстно ни одно мѣсто, гдѣ бы δρῦς означало дерево не лиственное.

суставъ, и бросилъ его объ омываемую моремъ скалу; его черепъ разбился, и бѣлый мозгъ, смѣшанный съ кровью, потекъ вдоль его волосъ. Тутъ весь народъ завопилъ въ горѣ о безуміи одного и гибели другаго; и никто не осмѣливался приблизиться къ этому мужу. *Его то опрокидывало на землю, то подбрасывало вверхъ*, онъ кричалъ, стоналъ; и вторили его крику скалы, горные отроги Локриды и Евбейскіе мысы. *И долго онъ, несчастный, метался на землѣ*, долго жалобно кричалъ, проклиная злополучный бракъ съ тобою и отпразднованную въ домѣ Энея свадьбу, отравившую его жизнь: *когда же онъ, наконецъ, утомился, тогда поволока спала съ его блуждающихъ глазъ* [1]), и онъ увидѣлъ меня, плакавшаго среди толпы воиновъ".

Прошу обратить вниманіе на натурализмъ въ изложеніи условій, при которыхъ ядъ сталъ дѣйствовать: огонь жертвенника разгорѣлся, Гераклу, стоявшему къ нему ближе всѣхъ, стало жарко; подъ вліяніемъ этой жары у него выступилъ потъ—очень неэстетическая, но за то очень реалистическая подробность; благодаря этому поту хитонъ прилипаетъ къ его тѣлу такъ плотно, какъ будто его приклеили столярнымъ клеемъ—таково, по видимому, значеніе словъ προσπτύσσετο πλευραῖσιν ἀρτίκολλος ὥστε τέκτονος [2]), при чемъ, по вѣрному замѣчанію Джебба, мы подъ этимъ послѣднимъ должны понимать обыкновеннаго столяра, а не художника-ваятеля. Такимъ-то образомъ ядъ, которымъ смазанъ плащъ, вступаетъ въ непосредственное соприкосновеніе съ тѣломъ. Теперь Гераклъ зараженъ; дѣйствіе отравы описывается намъ въ трехъ послѣдовательныхъ симптомахъ.

Первый симптомъ—жгучая боль, проникающая до мозга костей:

---

[1]) И здѣсь я не могу согласиться съ общепринятымъ толкованіемъ τότ' ἐκ προσέδρου λιγνύος διάστροφον ὀφθαλμὸν ἄρας εἶδέ με. Ихъ понимаютъ о настоящемъ дымѣ, дымѣ горящаго костра, при чемъ получается нѣчто совершенно непонятное. Какимъ образомъ дымъ этотъ былъ πρόσεδρος Ἡρακλεῖ, если только онъ не стоялъ противъ вѣтра, чего не дѣлаетъ ни одинъ разумный человѣкъ? И какъ могъ онъ ἐκ λιγνύος ὀφθαλμὸν αἴρειν, когда онъ лежалъ на землѣ? Правда, съ другой стороны мнѣ неизвѣстно мѣсто, гдѣ бы λιγνύς употреблялось о поволокѣ глазъ, застилающей отъ насъ окружающую насъ обстановку; но слово ἀχλύς ἀχλυῶδες въ этомъ смыслѣ встрѣчается нерѣдко, особенно у Гиппократа, а при родственности понятій λιγνύς и ἀχλύς и употребительности у трагическихъ поэтовъ фигуры металепсиса можно, я думаю, допустить требуемое значеніе и для нашего слова.

[2]) Скорѣе всего ὡς πρὸς τέκτονος; не понимаю только, на какомъ основаніи всѣ издатели принимаютъ конъектуру Мусгрева προσπτύσσεται вм. рукописнаго προσπτύσσετο. Расказъ ведется въ praeteritis: κατηύχετο, ἐδαίνυτο, ἀνῄει, ἦλθε; а что въ ἀγγελικαὶ ῥήσεις приращеніе можетъ быть пропущено, извѣстно всѣмъ.

ἦλθε δ' ὀστέων ἀδαγμὸς ἀντίσπαστος (при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что самое слово ἀδαγμός и родственныя, ἀδαξῆσαι = ὀδαξῆσαι, ἀδάξασθαι = ὀδάξασθαι — слова чисто медицинскія). О какого рода отравленіи думалъ Софоклъ? Онъ говоритъ это самъ въ слѣдующихъ словахъ: εἶτα φοινίας (читай φοίνιος) ἐχθρᾶς ἐχίδνης ἰὸς ὣς ἐδαίνυτο. Итакъ, аналогіей служило для поэта отравленіе змѣинымъ ядомъ; остается провѣрить, соотвѣтствуютъ ли описанныя Софокломъ патологическія явленія тѣмъ, которыя наблюдаются нынѣ при отравленіи змѣинымъ ядомъ. Софоклъ говоритъ: „жгучая боль (ἀδαγμός) проняла его до мозга костей и затѣмъ стала грызть дальше, точно ядъ лютой гадюки". Бремъ въ „Жизни животныхъ" (т. VII, стр. 408, посл. изд.) слѣдующимъ образомъ описываетъ страданія человѣка, укушеннаго гадюкой: „кого укусила гадюка, тотъ испытываетъ по всему тѣлу чувство, точно отъ электрическаго удара; равнымъ образомъ въ моментъ укушенія онъ ощущаетъ совершенно ясно быстрое распространеніе боли". Затѣмъ идутъ обмороки, чередующіеся съ возвращеніемъ сознанія—какъ мы увидимъ это и у Софокла. Аналогія змѣинаго яда была вполнѣ естественна, коль скоро ядъ, которымъ былъ отравленъ Гераклъ, велъ свое происхожденіе отъ лернейской гидры; но, разумѣется, гидра представлялась гораздо страшнѣе и ядовитѣе гадюки. Немудрено поэтому, что Софоклъ значительно сгустилъ краски. Но, дѣлая это, онъ все-таки остается на реальной почвѣ: его симптомы тѣ же, что и при отравленіи змѣинымъ ядомъ, только они гораздо сильнѣе.

Второй симптомъ совпадаетъ съ допросомъ Лихаса; имъ поэтъ очень удачно мотивируетъ жестокій поступокъ героя съ ни въ чемъ неповиннымъ глашатаемъ. „Мучительныя судороги сжимаютъ ему легкія", διώδυνος σπαραγμὸς αὐτοῦ πλευμόνων ἀνθήψατο. Слово σπαραγμός въ значеніи „судороги", по видимому, тоже медицинское; навѣрное утверждать это нельзя, такъ какъ оно встрѣчалось уже въ „Ксантріяхъ" Эсхила. Очень вѣроятно, что оно означало спеціально „судороги (дыхательныхъ) мускуловъ"; ср. разграниченіе обоихъ понятій въ ст. 1253 σπαραγμὸν ἤ τιν' οἶστρον и въ особенности справку у Гиппократа ἐπιδ. ζ'. IX 562 Ch.: съ заболѣвшей ангиной женщиной (κυναγχική) на четвертый день дѣлается σπαραγμός, вслѣдствіе котораго она теряетъ голосъ. Во всякомъ случаѣ второй симптомъ представляетъ прогрессъ въ сравненіи съ первымъ, какъ этого и слѣдовало ожидать. Тамъ зараженнымъ мѣстомъ были πλευραί, то-есть внѣшніе, такъ сказать, покровы отъ кожи до реберъ, здѣсь болѣзнь проникаетъ уже за ребра,

въ легкія. Остаются самыя внутреннія части, главнымъ образомъ хребетный мозгъ: о его пораженіи свидѣтельствуетъ третій симптомъ.

Этотъ третій симптомъ сводится къ припадку падучей болѣзни— что и естественно, такъ какъ именно такіе припадки бываютъ послѣдствіемъ аффекціи нервныхъ центровъ въ хребетномъ мозгу. Дѣйствительно, описаніе Софокла совершенно ясно и недвусмысленно: Геракла то бросаетъ на землю, то вскидываетъ вверхъ—ἐσπᾶτο γὰρ πέδονδε καὶ μετάρσιος, причемъ слѣдуетъ обратить вниманіе на самое слово σπᾶσθαι: это слово медицинское, отъ него происходитъ σπασμός, техническій терминъ для обозначенія судорогъ. При этомъ онъ кричитъ (что̀ также совпадаетъ) и проклинаетъ Деяниру и Энея—это послѣднее также вѣрно: эпилептики во время припадковъ своей болѣзни иногда громко бранятъ другихъ лицъ, угрожаютъ имъ. Итакъ, можетъ, кажется, считаться доказаннымъ, что третій изъ описанныхъ Софокломъ симптомовъ сводится къ припадку падучей болѣзни.

Этотъ результатъ получаетъ особый интересъ въ связи со слѣдующими справками. Гиппократъ такъ описываетъ симптомы одной женской болѣзни; εἰσὶ δὲ καὶ αἳ πελιδναὶ γίνονται, ἢ δὲ καὶ τοὺς ὀδόντας βρύχει, καὶ σίαλα ἐπὶ στόμα ῥέει, καὶ ἐοίκασιν τοῖσιν ὑπὸ τῆς Ἡρακλείας νόσου συνεχομένοισιν (γυναικ. α' VII 735 Ch.); эту глоссу—Ἡρακλείας νοσου—Эротіанъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: τῆς ἐπιληψίας. Объясненіе, почему ἐπιληψία была названа такъ, онъ даетъ двойное: 1) διὰ τὸ ἰσχυρὸν τοῦ νοσήματος καὶ δυσκαταμάχητον, ὡς μαρτυρεῖ καὶ Ἀριστοτέλης ἐν τοῖς κωμικοῖς (послѣднее, разумѣется, испорчено; Мейнеке, въ виду того, что κωμικοί и καμίκιοι въ рукописяхъ иногда смѣшиваются, предлагаетъ: Σοφοκλῆς ἐν τοῖς Καμικίοις [Hist. crit. 6 сл.], что̀ было бы намъ на руку). Въ этомъ объясненіи съ нимъ сходится Галенъ IX 550, который тоже называетъ Геракловой болѣзнью эпилепсію и полемизируетъ противъ того объясненія, которое у Эротіана стоитъ вторымъ, говоря, что эпилепсія не потому названа Ἡρ. ν., что Гераклъ ею страдалъ, а потому, что и т. д.—2) ἔνιοι δὲ φασὶν τὴν μανίαν εἰρῆσθαι, ἐπειδὴ τούτῳ τῷ πάθει μόνῳ ὁ ἥρως ἑάλω.—Мы врядъ ли ошибемся, допуская слѣдующее развитіе традиціи: 1) ἐπιληψία была названа Ἡρακλεία νόσος по той же причинѣ, по которой и Αἰάντειος γέλως, и Χειρώνειον ἕλκος получили свои наименованія—именно потому, что ею страдалъ Гераклъ (ἔνιοι у Галена); 2) такъ какъ, однако, въ миоахъ мы не находили указанія на то, чтобы Гераклъ страдалъ именно падучею болѣзнью, а мѣсто изъ „Трахинянокъ“ было позабыто, то нѣкоторые врачи предложили другое объясненіе, именно, что въ Ἡρ. ν.

есть μανία и названа такъ потому, что Гераклъ дѣйствительно впалъ въ безуміе, въ которомъ и убилъ своихъ дѣтей (ἔνιοι у Эротіана); 3) такъ какъ другіе врачи не были согласны растворять спеціальное понятіе ἐπιληψία въ общемъ понятіи μανία, а ходячіе миѳы объ эпилепсіи Геракла ничего не знали, то было предложено новое объясненіе—то, которое у Эротіана стоитъ на первомъ мѣстѣ и которое защищаетъ Галенъ. Если это объясненіе справедливо, то тѣсная связь Софокла съ медициной подтверждена новымъ доказательствомъ: выходитъ, что болѣзнь получила названіе „Геракловой" на основаніи не миѳовъ о Гераклѣ, а одного мѣста въ „Трахинянкахъ" Софокла. Спѣшу прибавить, что эта Ἡρακλεία νόσος стоитъ не одиноко: мы видѣли выше, что оба другихъ патологическихъ термина съ миѳологическими наименованіями: Αἰάντειος γέλως и Χειρώνειον ἕλκος, тоже относились къ мѣстамъ изъ трагедій Софокла, первый—изъ „Эанта", второй—изъ „Трахинянокъ". А такъ какъ другихъ аналогичныхъ терминовъ—насколько мнѣ, по крайней мѣрѣ, извѣстно,—не встрѣчается, то мы были правы, утверждая, что эти три—Ἡρακλεία νόσος, Αἰάντειος γέλως и Χειρώνειον ἕλκος—взаимно поддерживаютъ другъ друга. По видимому, всѣ три были введены въ медицинскую терминологію, если не самимъ Софокломъ, то его послѣдователями и почитателями.

При всемъ томъ неоспоримо то, что болѣзнь, которою страдалъ Гераклъ по Софоклу, то-есть ἐπιληψία, была разновидностью общаго понятія μανία; самъ Софоклъ называетъ ее такъ ст. 1000 μανίας ἄνθος, и такъ его понялъ Филодемъ de relig. 36 (см. Wilamowitz, Herakles I 138). При такомъ положеніи дѣла пріобрѣтаетъ особый интересъ одно мѣсто изъ Ѳеофраста. Въ своей Hist. plant. IX 10 этотъ ученый говоритъ о чемерицѣ, ἐλλέβορος, этомъ знаменитомъ средствѣ противъ μανία. Прекрасная чемерица растетъ на горѣ Этѣ: μοναχοῦ δὲ φύεται τῆς Οἴτης περὶ τὴν Πυράν. Такъ какъ Πυρά называлась именно та вершина Эты, гдѣ былъ сооруженъ костеръ для Геракла, то совпаденіе съ этимъ обстоятельствомъ того, что именно здѣсь и только здѣсь растетъ наилучшая чемерица, не можетъ быть случайнымъ. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь этіологическій миѳъ: „сама Земля, сжалившись надъ μανία славнаго Зевсова сына, произвела лѣкарство, желая помочь ему" — совершенно въ родѣ того миѳа, который разсказываетъ Геродотъ о происхожденіи рѣки Δύρας, τὸν βοηθέοντα τῷ Ἡρακλέι καιομένῳ λόγος ἐστὶ ἀναφανῆναι (VII 198).

Но вернемся къ симптомамъ болѣзни Геракла. Первый, какъ мы видѣли, свидѣтельствуетъ о пораженіи внѣшнихъ мясныхъ покрововъ,

между кожей и ребрами, второй о пораженіи легкихъ, третій о пораженіи хребетнаго мозга. Пока длился этотъ послѣдній, то-есть припадокъ падучей болѣзни, Гераклъ метался на землѣ, съ дикимъ крикомъ, съ блуждающимъ взоромъ (διάστροφον ὀφθαλμόν ст. 794), никого кругомъ себя не узнавая. Но вотъ наступило изнеможеніе (ἀπεῖπε 789); блуждающій взоръ больнаго случайно встрѣтился со взоромъ плачущаго сына; при его видѣ сознаніе вернулось къ нему. Не знаю, насколько именно эта черта соотвѣтствуетъ дѣйствительности: но она прекрасна. По его просьбѣ, его на лодкѣ переправляютъ въ Трахинъ; во время переправы съ нимъ приключился второй припадокъ—собственно продолженіе перваго,—главные симптомы котораго, судороги и крикъ (βρυχώμενον σπασμοῖσι ст. 805), вкратцѣ отмѣчаются поэтомъ; за этимъ припадкомъ слѣдуетъ глубокій *сонъ*, обычное послѣдствіе припадковъ падучей болѣзни.

Все это мы узнаемъ изъ разсказа Гилла. Разсказъ этотъ въ экономіи трагедіи имѣетъ троякую цѣль: во-первыхъ, мы узнаемъ изъ него о томъ, что случилось на Кенейскомъ мысѣ, — обычная цѣль всѣхъ ῥήσεις ἀγγελικαί; во-вторыхъ, онъ лишаетъ Деяниру всякой надежды на благополучный исходъ ея замысла, такъ что она рѣшаетъ покончить съ собою—благодаря этому своему послѣдствію, самый разказъ представляется намъ не эпической, а драматической ῥῆσις;—наконецъ, въ-третьихъ, онъ является медицинскимъ комментаріемъ къ страданіямъ Геракла на сценѣ, передъ нашими глазами, въ ст. 971—1113, которыя безъ него были бы для насъ непонятны.

Дѣйствительно, тѣ же припадки, что и на Кенейскомъ мысѣ, повторяются и передъ нашими глазами. Медленно приближается дружина Геракла, неся на своихъ рукахъ [1]) обреченнаго на смерть ге-

---

[1]) Это не сказано поэтомъ прямо, но можетъ быть установлено вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ. Какъ сказано было раньше, Гиллъ пришелъ въ Трахинъ для того, чтобы приготовить носилки для отца и съ ними вернуться къ побережью (ст. 901 Деянира παῖδ' ἐν αὐλαῖς εἶδε κοῖλα δέμνια στορνύνθ' ὅπως ἄψορρον ἀντῴη πατρί); очевидно, предполагалось переложить спящаго Геракла съ лодки на носилки и затѣмъ перенести въ Трахинъ. Деянира дѣлаетъ приготовленія къ самоубійству, старушка-няня бѣжитъ сказать объ этомъ Гиллу—стало быть онъ еще не успѣлъ уйти, а такъ какъ носилки собирался отнести онъ самъ, то необходимо допустить, что и онѣ отправлены не были. Гиллъ бѣжитъ къ Деянирѣ, находитъ ее мертвою, плачетъ у ея тѣла—ему, стало быть, не до носилокъ. Вотъ являются ратники Геракла (ст. 960) и объявляютъ, что Геракла несутъ — значитъ, его несутъ безъ носилокъ, то-есть, на рукахъ. Отсюда видно, что конъектура Веклейна къ ст. 965 παιδὸς φορεῖον ὡς φίλου вмѣсто πᾷ δ' αὖ φέρει νιν; ὡς φίλου, помимо прочаго, невозможна также по реальнымъ соображеніямъ.

роя; тихо выступаютъ вѣрные товарищи своею „тяжелою поступью"— тяжелою, такъ какъ они отягчены своей могучею ношей — „зачѣмъ такъ тихо"? спрашиваютъ трахинянки. Вотъ онѣ замѣчаютъ самого Геракла: „о горе, онъ безмолвенъ! Что намъ думать о немъ? Умеръ онъ или только спитъ"? Гиллъ, находившійся до того времени у трупа матери, тоже считаетъ отца умершимъ и съ жалобнымъ крикомъ бросается къ нему. „Тише, сынъ мой", говоритъ ему какой-то „старикъ", „не буди дикой мучительной боли своего отца, онъ живъ, хотя и при смерти".

Скажу сначала объ этихъ послѣднихъ словахъ; въ текстѣ они имѣютъ слѣдующій видъ: ζῇ γὰρ προπετής, и схоліасты даютъ къ нимъ два объясненія, изъ которыхъ первое, ἐπὶ πρόσωπον κοιμώμενος, перешло во всѣ наши комментированныя изданія. Итакъ, выходитъ, что товарищи Геракла, принесши его въ Трахинъ, положили его лицомъ на землю; какой тутъ смыслъ? Ἐπὶ γαστέρα κεῖσθαι, говоритъ Гиппократъ въ Prognosticon (VIII 591 Ch.) παραφροσύνην τινὰ σημαίνει ἢ ὀδύνην τῶν ἀμφὶ τὴν κοιλίην τόπων; возможно ли допустить, чтобы разумные люди отъ себя дали больному такое положеніе? Тѣмъ болѣе послѣ припадка падучей болѣзни, когда полагается класть человѣка на спину, чтобы онъ могъ свободно дышать! Но кромѣ того объясненіе невозможно уже потому, что въ текстѣ сказано не κεῖται γὰρ προπετής, а ζῇ γὰρ πρ. Возможно ли извлечь изъ фразы „онъ живетъ ничкомъ" хотя бы даже грамматическій смыслъ? Правда, намъ говорятъ, что προπετής имѣетъ здѣсь уступительный смыслъ: „онъ живетъ, хотя онъ и лежитъ ничкомъ", но отъ этого нелѣпость только усиливается; развѣ лежаніе ничкомъ служитъ признакомъ наступившей смерти?—Второе (счетомъ первое) объясненіе схоліастовъ εἰς τὸν θάνατον προνενευκώς не встрѣтило сочувствія со стороны современныхъ ученыхъ; тѣмъ не менѣе оно должно быть признано справедливымъ; мы видѣли выше (стр. 46), что техническое значеніе слова προπετής, у медиковъ, къ которымъ мы должны причислить и Софокла—subinde delabens, ἠρέμα καταρρέων; изъ этого значенія требуемое здѣсь можетъ быть произведено безъ всякой трудности. Фраза ζῇ γὰρ ἠρέμα καταρρέων понятна для всѣхъ: каждый дополнитъ ἀπὸ τῆς ζωῆς, точно также какъ въ фразѣ OR. 1188 сл. τίς ἀνὴρ πλέον τῆς εὐδαιμονίας φέρει ἢ τοσοῦτον, ὅσον δοκεῖν καὶ δόξαντ' ἀποκλῖναι каждый къ ἀποκλῖναι дополнитъ τῆς εὐδαιμονίας. Смѣлое переносное употребленіе слова понравилось Еврипиду, и онъ, въ подражаніе Софоклу, допустилъ въ „Алкестидѣ", новшество ἤδη προνωπής ἐστι καὶ ψυχορραγεῖ; доказатель-

ность этой паралелли станетъ еще очевиднѣе, если сопоставить съ общеупотребительнымъ оборотомъ προπετής εἴς τι оборотъ того же Еврипида въ „Андромахѣ“ 729 προνωπής εἰς τὸ λοιδορεῖν.

А затѣмъ рождается вопросъ: что это за старикъ? Отвѣтить на него тѣмъ болѣе умѣстно, что эта роль послужила Дитериху (Rhein. Mus. 46, 20 сл.) исходной точкой для смѣлой гипотезы, о которой я здѣсь говорить не намѣренъ, такъ какъ собираюсь заняться ею въ другомъ мѣстѣ. Нашъ „старикъ“ пришелъ въ Трахинъ вмѣстѣ съ Геракломъ; все же нельзя допустить, чтобы онъ принадлежалъ къ его ратникамъ—для этого онъ слишкомъ старъ и слабъ. Тѣмъ не менѣе онъ—ближайшее къ Гераклу лицо, онъ ухаживаетъ за нимъ, и только въ ст. 1018 сл., видя, что ему съ буйнымъ паціентомъ не справиться, передаетъ свою роль молодому Гиллу. Все это, думается мнѣ, ясно указываетъ на то, что въ данномъ старикѣ мы имѣемъ *врача*; зрителямъ не было надобности догадываться объ этомъ, они могли легко (самъ поэтъ этого желалъ) узнать его по особому головному убору, напоминающему турецкую чалму—тому самому, въ которомъ изображаются знаменитые врачи древности: Гиппократъ, Архитъ, Муза и др. Если мы правы, то и слова, съ которыми нетерпѣливый Гераклъ къ нему обращается послѣ своего пробужденія, получаютъ особую колоритность: „есть ли такой знахарь“, говоритъ онъ съ укоризной, „есть ли такой врачъ, который могъ бы противъ воли Зевса успокоить эти мои мученія? Если бы такой нашелся, мнѣ показалось бы, что я вижу волшебную сказку далекой старины“:

τίς γὰρ ἀοιδός, τίς ὁ χειροτέχνης
ἰατορίας, ὅς τήνδ' ἄτην
χωρὶς Ζηνὸς κατακηλήσει;
θαῦμ' ἂν πόρρωθεν ἴδοιμι [1]).

Итакъ, старикъ—врачъ; позволительно ли думать, что Софоклъ, изображая его, думалъ о своемъ собственномъ героѣ, Алконѣ, который не даромъ называется „спутникомъ Геракла“ (см. выше, стр. 28)?

[1]) Принятое объясненіе этого стиха предлагается здѣсь впервые. Въ необходимости соединять θαῦμα πόρρωθεν убѣдились уже другіе (см. комментарій Джебба къ нашему мѣсту); а затѣмъ оставалось только напомнить, что πόρρωθεν имѣетъ кромѣ мѣстнаго и временное значеніе. Въ доказательство сошлюсь на Eur. Hipp. 831 πρόσωθεν δέ ποθεν ἀνακομίζομαι τύχαν δαιμόνων ἀμπλακίαισι τῶν πάροιθέν τινος и Andr. 249 ἢ καὶ πρόσω γὰρ τῶν ἐμῶν ψαύσεις κακῶν.

Не рѣшаюсь отвѣчать на этотъ вопросъ въ томъ или другомъ смыслѣ; но въ умѣстности вообще роли врача врядъ ли возможно сомнѣваться. Какъ выше Софоклъ воспроизвелъ сцену изъ лабораторіи, описывая дѣйствіе яда на шерсть и на почву, такъ здѣсь онъ воспроизводитъ сцену изъ клиники; а для таковой присутствіе врача было желательно.

Третій припадокъ (съ четвертымъ) — повтореніе перваго (со вторымъ); послѣ расказа Гилла его симптомы намъ понятны. Гераклъ просыпается; тотчасъ *первый* симптомъ, „жгучая боль“ (ἀδαγμός), заставляетъ его болѣзненно вскрикнуть ὦ Ζεῦ—ср. слѣдующія за этимъ ἀδαγμός въ расказѣ Гилла слова εἶτα φοίνιος ἐχθρᾶς ἐχίδνης ἰὸς ὣς ἐδαίνυτο со словами Геракла въ нашемъ мѣстѣ ἣ δ' αὖ μιαρὰ βρύκει, φεῦ. Старикъ хочетъ помочь Гераклу, уложить его (ст. 1056)—но вотъ наступаетъ *второй* симптомъ: (1009 ἣ δ' αὖθ' ἕρπει), тотъ σπαραγμός, о которомъ рѣчь была выше. И здѣсь поэтъ подборомъ словъ даже намъ, читателямъ, облегчилъ нашу задачу: словамъ διώδυνος σπαραγμὸς αὐτοῦ πλευμόνων ἀνθήψατο соотвѣтствуютъ у насъ слова ἥπταί μου, τοτοτοῖ, κτἑ. *Третій* симптомъ состоялъ въ эпилептическихъ явленіяхъ, въ томъ что Гераклъ ἐσπᾶτο πέδονδε καὶ μετάρσιος; то же самое имѣемъ мы, очевидно, и теперь, такъ какъ старику уже не въ моготу удерживать паціента: ὦ παῖ τοῦδ' ἀνδρός, говоритъ онъ Гиллу ст. 1018 сл.

τοὔργον τόδε μεῖζον ἄρ' ἥκει
ἢ κατ' ἐμὰν ῥώμαν· σὺ δὲ σύλλαβε· σοί γὰρ ἔτ' ὄμμα
ἔμπεδον ἠδὲ βία σῴζειν [1]).

Гиллъ беретъ на себя трудъ ходить за отцомъ; отнынѣ онъ замѣняетъ врача [2]). И опять, какъ на Кенейскомъ мысѣ, близость сына

[1]) Такъ исправляю я несомнѣнно испорченныя слова рукописей μεῖζον ἀνήκει и σοί τε γὰρ ὄμμα ἔμπλεον ἢ δι' ἐμοῦ σῴζειν. Въ первомъ случаѣ моя поправка проще, чѣмъ поправка Наука ἂν εἴη; частица ἄρα мнѣ кажется очень умѣстной: старикъ тщетно старался удерживать Геракла и теперь говоритъ: „нѣтъ, *видно*, моихъ силъ тутъ не хватитъ“. Во второмъ случаѣ ἔμπεδον вмѣсто ἔμπλεον, то-есть, лучшая часть конъектуры, уже предложена Веклейномъ; остальное представляетъ изъ себя лишь догадку, на которую меня навело гомеровское βίη τε μοι ἔμπεδος εἴη.

[2]) Отсюда видно, что Джеббъ не правъ, полагая, что Гераклъ уже въ ст. 1006 обращается къ Гиллу; еще менѣе правъ, разумѣется, Веклейнъ, предлагая вмѣсто рукописнаго πᾷ μου ψαύεις конъектуру πᾷ, παῖ, μου ψαύεις. Весь коммосъ распадается вполнѣ симметрично на строфу (Гераклъ у врача), месодъ (врачъ передаетъ Геракла Гиллу) и антистрофу (Гераклъ у Гилла). Строфическое соотвѣтствіе мѣстами нарушено, но можетъ быть возстановлено путемъ самыхъ незначительныхъ поправокъ.

приводитъ Геракла въ сознаніе. Онъ чувствуетъ эту близость, хотя и не различаетъ еще вполнѣ ясно дорогихъ ему чертъ — поволока, λιγνὺς πρόσεδρος, еще не спала съ его глазъ. „Сынъ мой, гдѣ ты?", говоритъ онъ — мы видимъ, какъ онъ простираетъ руку, ощупью ища руки сына—„здѣсь, вотъ здѣсь поддерживай меня"—мы видимъ, какъ онъ, схвативъ руку сына, прикладываетъ ее къ тому мѣсту своего тѣла, гдѣ ему не такъ больно. Но облегченіе боли было минутнымъ; опять начинаются боли, опять мечется Гераклъ τὸ δυσπάρευνον λέκτρον ἐνδατούμενος, какъ сказалъ выше Гиллъ — ср. съ этими словами слова Геракла ст. 1035 ... ᾧ μ' ἐχόλωσεν σὰ μάτηρ ἄθεος, τὰν ὧδ' ἐπίδοιμι πεσοῦσαν κτέ.; εὔνασον, εὔνασον кричитъ онъ—можно допустить, что послѣ этого *четвертаго* припадка наступаетъ новый сонъ, или по крайней мѣрѣ забытіе. Паузу въ страданіяхъ Геракла хоръ подчеркиваетъ краткимъ interloquium ст. 1044 сл.

Въ слѣдующей рѣчи—апологіи Геракла—насъ больше всего интересуетъ даваемое имъ объясненіе своихъ страданій, подтверждающее дѣленіе хода болѣзни на три симптома, которые мы допустили выше: ст. 1053 сл. (τὸ ἀμφίβληστρον):

1) πλευραῖσι γὰρ προσμαχθὲν ἐκ μὲν ἐσχάτας
βέβρωκε σάρκας, 2) πλεύμονος δ' ἀρτηρίας
ῥοφεῖ ξυνοικοῦν, 3) ἐκ δὲ χλωρὸν αἷμά μου
πέπωκεν ἤδη.

Первая ступень зла соотвѣтствуетъ вполнѣ точно первому симптому въ разказѣ Гилла: προσπτύσσετο πλευραῖσιν... χιτὼν ἅπαν κατ' ἄρθρον, ἦλθε δ' ὀστέων ἀδαγμὸς ἀντίσπαστος; въ обоихъ случаяхъ говорится о пораженіи внѣшнихъ мясныхъ покрововъ, ἐσχάτων σαρκῶν; нечего и говорить, что толкователи, начиная съ Цицерона, ошибаются, разумѣя подъ этими ἔσχαται σάρκες не внѣшнія, а внутреннія части плоти, и что болѣе всѣхъ ошибается Веклейнъ, принимая въ текстъ свою конъектуру ἐκ μὲν ἔγκατα βέβρωκε σαρκῶν. *Вторая* ступень еще болѣе соотвѣтствуетъ второму симптому: тамъ διώδυνος σπαραγμὸς πλευμόνων ἀνθήψατο, здѣсь πλευμόνων ἀρτηρίας ῥοφεῖ—какъ извѣстно, наши „артеріи" у древнихъ назывались φλέβες, наравнѣ съ венами, а подъ ἀρτηρία они разумѣли исключительно дыхательные протоки. *Третья* ступень совпадаетъ съ третьимъ симптомомъ лишь постольку, поскольку и здѣсь, и тамъ говорится о пораженіи еще болѣе внутреннихъ, чѣмъ легкія, органовъ; но здѣсь этимъ органомъ является сердце (на это указываетъ χλωρὸν αἷμα), тамъ — хребетный мозгъ,

пораженіе рефлексовыхъ центровъ котораго вызываетъ эпилептическія явленія.

Апологія на словахъ не удовлетворяетъ Геракла; онъ хочетъ, чтобы всѣ присутствующіе убѣдились въ безпримѣрности его страданій. Наступаетъ катастрофа въ физической трагедіи Геракла: онъ приподнимается и собственными руками сдираетъ плащъ со своего измученнаго, покрытаго сплошною язвою тѣла. „Смотрьте всѣ!“ говоритъ онъ окружающимъ — но онъ ошибся въ своихъ силахъ. Наступаетъ новый припадокъ, пятый и послѣдній; мученія повторяются; таково наказаніе героя за его безумное желаніе быть сильнѣе терзающей его болѣзни. Но, будучи самой эффектной частью всей физической трагедіи Геракла, этотъ пятый пароксизмъ въ медицинскомъ отношеніи ничего новаго къ прежнимъ не прибавляетъ; а такъ какъ онъ въ то же время и послѣдній, то мы можемъ имъ заключить нашъ разборъ интересныхъ съ медицинской точки зрѣнія частей „Трахинянокъ“.

Послѣ всего сказаннаго о происхожденіи, приготовленіи, свойствахъ и дѣйствіи нашего яда будетъ, кажется, излишнимъ особенно настаивать на помѣщенномъ въ заголовкѣ этой статьи положеніи: ясно, что поэтъ не медикъ не имѣлъ бы ни охоты, ни умѣнія такъ послѣдовательно развивать медицинскій элементъ въ своей поэмѣ. А между тѣмъ это—только эсотерическія доказательства: выше мы видѣли, что и свидѣтельства о жизни Софокла, подтвержденныя недавно эпиграфическими находками, наводятъ насъ на ту же мысль,—именно, что Софоклъ, будучи жрецомъ бога-цѣлебника и героя-цѣлебника, былъ врачемъ. Оба доказательства, будучи взяты отдѣльно, достаточно прочны; вмѣстѣ же взятыя они даютъ намъ, полагаю я, такую степень достовѣрности, какой мы далеко не часто можемъ достигнуть въ филологическихъ вопросахъ.

Какъ врачъ, Софоклъ стоитъ особнякомъ въ поэтической литературѣ—для насъ по крайней мѣрѣ, лишенныхъ возможности читать Эпихарма. А такъ какъ мы по „Трахинянкамъ“ можемъ заключить, что онъ и въ поэзіи оставался врачомъ, то открытый нами фактъ можетъ сдѣлаться исходной точкой для другихъ, довольно интересныхъ выводовъ. Долгое время индивидуальный характеръ поэзіи Софокла не признавали вовсе; въ немъ видѣли идеальнѣйшаго представителя греческой поэзіи вообще. Таковъ былъ взглядъ Лессинга; въ своемъ „Лаокоонтѣ“ онъ въ параллель къ знаменитой группѣ анализируетъ изображенія физической боли въ „Филоктетѣ“ Софокла и путемъ этой

параллелизаціи доказываетъ, что крайній натурализмъ въ изображеніи боли былъ характерной чертой древне-эллинскаго искусства. Нынѣ это обобщеніе уже не будетъ дозволительно: вполнѣ признавая натурализмъ Софокла, мы будемъ, однако, видѣть въ немъ не общеэллинскую, а индивидуальную черту, результатъ врачебной дѣятельности поэта. Кто, подобно врачу, видитъ физическую боль ежедневно въ ея наиболѣе сильныхъ проявленіяхъ—не забудемъ, что καίειν καὶ τέμνειν были обычными пріемами древней медицины,—тотъ съ теченіемъ времени долженъ потерять свойственную обыкновеннымъ смертнымъ чувствительность по отношенію къ ней [1]), а слѣдовательно и потребность идеализировать ее. Дѣйствительно, стоитъ обратить вниманіе на то, что эстетика боли и смерти, которая проходитъ черезъ всю древнюю культуру, начиная трогательнымъ обращеніемъ Пріама къ своему сыну въ 22 пѣснѣ Иліады (ст. 71 сл.) и кончая послѣднимъ гладіаторомъ, не нашла любителя въ Софоклѣ. Гомеръ не допускаетъ мысли объ обезображенномъ и тлѣющемъ тѣлѣ Гектора, у него Афродита и Аполлонъ пекутся объ убитомъ богатырѣ, для того, чтобы онъ могъ быть свѣжимъ и прекраснымъ на своей тризнѣ, подъ заботливыми руками Гекубы, Андромахи и Елены; Софокла ничуть не смущаетъ представленіе о гніющемъ и зловонномъ трупѣ Полиника,—въ потрясающей рѣчи Тиресія оно является самымъ сильнымъ средствомъ для воздѣйствія на увлекшагося, упрямаго царя. У Еврипида убитая жрецами Поликсена послѣдними мгновеніями улетающей жизни пользуется для того, чтобы εὐσχήμως πεσεῖν (Hec. 569); ничего подобнаго этому мѣсту, равно какъ и эстетическимъ разсужденіямъ Елены о различныхъ формахъ самоубійства (Hel. 299 сл.), у Софокла нѣтъ. У Софокла и Деянира, и Евридика убиваютъ себя мечемъ, поражая себя въ печень, πρὸς ἧπαρ; для Еврипида это представленіе было слишкомъ неэстетическимъ, у него только мужчины ударяютъ себя въ печень; что же касается женщинъ, то тѣ изъ нихъ, которыя мечтаютъ о самоубійствѣ съ помощью меча (Электра, Елена), собираются отсѣчь себѣ голову [2]), ни мало не смущаясь неисполнимостью этой мечты.

---

[1]) На отсутствіе чувствительности у врачей по отношенію ко всякой, даже самой насущной эстетикѣ намекаетъ, хотя и въ карикатурной формѣ Аристофанъ Plut. 704 сл.

[2]) Hel. 302 σμικρὸς δ' ὁ καιρὸς κρᾶτ' ἀπαλλάξαι βίου. Значеніе этого стиха опредѣляется стихомъ изъ „Трахинянокъ", которому подражалъ Еврипидъ 1015 οὐδ' ἀπαράξαι κρᾶτα βίου θέλει. El. 688 παίσω κάρα γὰρ τοὐμὸν ἀμφήκει ξίφει.

Но открытіе, что Софоклъ былъ врачемъ, имѣетъ помимо своей важности съ точки зрѣнія эстетики для насъ еще другаго рода интересъ. Мы знали про него до сихъ поръ, что онъ былъ сыномъ ножевщика, изъ чего мы въ правѣ заключить, что онъ, если и не продолжалъ ремесло своего отца, то во всякомъ случаѣ успѣлъ присмотрѣться къ нему въ дни своего отрочества; мы знали, что онъ былъ стратегомъ въ самосскую войну, если не выдающимся, то все же ὡς ἂν εἷς τῶν χρηστῶν Ἀθηναίων; мы знали, что онъ и въ администраціи занималъ довольно высокія должности; затѣмъ,—если даже оставить въ сторонѣ болѣе мелкія дарованія, о которыхъ повѣствуетъ традиція, его умѣніе играть на китарѣ и въ мячъ, мы знали прежде всего, что онъ былъ поэтомъ и притомъ поэтомъ драматическимъ, то-есть поэтомъ, композиторомъ, хореографомъ и режиссеромъ въ одномъ лицѣ. Къ этой разносторонней дѣятельности теперь прибавляется еще одна: онъ былъ врачемъ, и притомъ, по видимому, не зауряднымъ, если потомки приняли его даже въ число героевъ-цѣлебниковъ. Эта новая черта не измѣняетъ, а только дополняетъ его портретъ, который теперь еще лучше прежняго иллюстрируетъ замѣчательныя слова Перикла объ Аѳинахъ: „У насъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, каждому человѣку дана возможность развивать свою личность до высшей степени ея проявленія, изощряя свои способности въ самыхъ различныхъ областяхъ дѣятельности и пріобрѣтая во всѣхъ кромѣ навыка еще и художественное чутье“ [1]).

Ѳ. Зѣлинскій.

---

[1]) Thuc. II 41 . . . καὶ καθ' ἕκαστον δοκεῖν ἂν μοι τὸν αὐτὸν ἄνδρα παρ' ἡμῶν ἐπὶ πλεῖστ' ἂν εἴδη καὶ μετὰ χαρίτων μάλιστ' ἂν εὐτραπέλως τὸ σῶμα αὔταρκες παρέχεσθαι.

